

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЁС

Кэтрин
КЕЙВ
Крис
РИДДЕЛ

САМАЯ
СМЕШНАЯ
КНИГА

Кэтрин КЕЙВ
Крис РИДДЕЛ

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЁС

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК 82-93
ББК 84(4Вл)
К33

Kathryn Cave
THE EMPEROR'S GRUCKLE HOUND
Text copyright © 1995 Kathryn Cave
Illustrations copyright © 1995 Chris Riddell
All rights reserved

First published in Great Britain in 1996 by Hodder Children's Books

Kathryn Cave
WILLIAM AND THE WOLVES
Text copyright © 1991 Kathryn Cave
Illustrations copyright © 1999 Chris Riddell
All rights reserved

First published by Hodder Children's Books in 1999

Перевод с английского *Анастасии Бродоцкой*
Иллюстрации *Криса Риддела*
Оформление *Владимира Ноздрина*

Кейв К., Риддел К.

К33 Императорский пес : Повести / Пер. с англ. А. Бродоцкой. — СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 192 с. : ил. — (Самая смешная книга).

ISBN 978-5-395-00151-1

Добрые и смешные истории с иллюстрациями Криса Риддела.

Жили-были два брата, два щенка. И вот один из них благодаря ловкости юного садовника Фреда оказался в императорском дворце, а другой поселился в доме жестянщика. Любимый пес императора выступает на парадах и обожает Моцарта, а его брат рыщет по помойкам и учится мастерски воровать. Но однажды братья поменялись местами...

Герой другой повести — мальчишка Вильям. У него есть четырехлетняя сестренка, очаровашка Мэри. Мэри придумала себе воображаемого Барашка, и Вильям назло ей решает завести себе волков. Что из этого получилось, узнаете, прочитав книжку до конца.

УДК 82-93
ББК 84(4Вл)

© А. Бродоцкая, перевод, 2006
© Издательский Дом
«Азбука-классика», 2008

ISBN 978-5-395-00151-1

ИМПЕРАТОРСКИЙ
ПЁС

Хелене и Аласдайру

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жили-были два щенка.

Родились они за мусорными бачками во дворе, вдоль и поперек перетянутом бельевыми веревками, куда выходила добрая дюжина домов. Щенята были ничьи.

Их мать была тощая и голодная. Долгими жаркими августовскими днями она перебивалась тем, что удавалось выклянчить или стащить, уворачиваясь от пинков, булыжников и колес. Когда настал сентябрь, мать объяснила щенкам, что вскоре им придется начать самостоятельную жизнь. А морозным октябрьским утром она ушла и не вернулась.

Всю ночь щенята продрожали в своем убежище за мусорными бачками. А когда город наконец зашевелился, бедняги выбрались поискать чего-нибудь поесть...

Это был день рождения императора. Все хоть сколько-то знатные люди уже несколько месяцев ломали себе головы, что бы такое ему подарить.

У императора было все, чего только может пожелать человек (и львиная доля того, чего человек пожелать вряд ли сможет), но каждый год третьего октября все сливки столичного общества наводняли проспект Семи Побед, чтобы подарить ему еще целую кучу разных разностей. В честь праздника школы и магазины закрывались, так что на площадь перед дворцом приходили поглазеть на торжественные церемонии многие обыкновенные люди, которым нечем было заняться в праздник: мясники и пирожники, портные, сапожники, клерки и бухгалтеры, официанты и официантки, продавцы мороженого и разносчики лимонада.

Затесался в толпу и жестянщик по имени Грегори, втянутый в безнадежную битву со своей дочерью Анной.

— Нет, — твердо сказал он. Он повторял это вот уже десять минут, с тех пор как Анна набрела на бродячего щенка, который скулил за мусорными бачками, и подобрала его. — Нет, взять его нельзя. Сама знаешь, нельзя. У тебя и так уже и кот, и этот жуткий голубь. Тебе что, мало?

Анна была маленькая и чумазая, с карими глазами и весьма решительным подбородком.

— Том и Арнольд не мои. Они просто приходят в гости. А щенок — это совсем другое дело. Он всегда будет рядом.

— А я не хочу, чтобы он всегда был рядом, — возразил ее отец. — Я хочу, чтобы его не было рядом *никогда!* Ты только погляди на него! Он же... он же... у меня нет слов, Анна, какой он мерзкий! Брось его, а то подцепишь блох!

Анна не сдавалась:

— Мне с ним будет не так скучно. Сам знаешь, как ты поздно возвращаешься! А еще он будет отпугивать воров!

— Воров? — ошеломленно переспросил Грегори. — А что у нас красть?! Да если бы что-то и было, что эта фитюлька сделает вору? Заставит его умереть со смеху? И что он будет есть?

— Откуда я знаю, что едят воров! — зарычала Анна, крепче прижимая щенка к себе.

— Я имел в виду пса, — отозвался отец, — и ты это прекрасно знаешь.

— Да он же совсем маленький! Он почти ничего не съест! И вообще, наверное, недолго протянет, потому что у него, по-моему, сломана лапка! — Голос у Анны дрогнул.

— Что? — нахмурился Грегори. — Дай посмотрю. Если он хромает, это совсем не обязательно значит, будто у него сломана лапа. Да если и сломана, это не смертельно. — Он осторожно провел рукой по щенячьей лапе. — Просто ссадина. Через два дня будет как новенькая. А теперь отпусти его. Нам пора домой обедать.

Анна поглядела на него.

— Он может спать у меня в кровати, — сказала она, как будто это все решало.

— Нет! — закричал Грегори. — Не «в», а «под»! И это мое последнее слово! — И когда Анна закончила его обнимать, добавил: — И как мы назовем это чумазое существо? Блохолов? Гнусь? Не так-то просто выбрать.

Анна немного подумала.

— Чумазик, — сказала она наконец. — Мы назовем его Чумазик.

И они отправились домой по проспекту Семи Побед.

К половине первого все оставляли подарки на ступенях дворца. К двум подарки стекали на площадь перед дворцом. Подарки были разные — крупные, вроде бронзового носорога в натуральную величину, для переноски которого требовалось шестеро силачей, и небольшие, вроде истории правления Катберта Кошмарного, дедушки императора, написанной на рисовой бумаге и переплетенной

в книжицу, которая уместилась бы на ладошке. Подарки предназначались для еды, для носки, для того, чтобы повесить их на стену в темном углу. Они были и колючие, и скользкие, и узловатые, а некоторые — такие заковыристые, что никто не знал, для чего они и где у них верх. И все прибывали и прибывали.

К трем часам лорд Ястреб, главный советник императора, издал указ, согласно которому все мужчины, женщины и дети, которые работали во дворце, должны были бросить свою работу и помогать таскать подарки во дворец. Уборщицы перестали убирать, слуги перестали прислуживать, поварята перестали чистить картошку и резать лук, а Фред, самый младший и незначительный из младших помощников помощника садовника, перестал подстригать траву в дворцовом саду секатором размером с маникюрные ножнички и вздохнул с облегчением.

Спустя десять минут его можно было найти на площади перед дворцом, где он, бодро насвистывая, запихивал персики в серебряную вазу. Когда ваза наполнилась, Фред перебросил через плечо шелковую ночную сорочку, водрузил на голову кипу сена и пристроил под мышку фарфоровый обеденный сервиз.

— Не советую, — заметил приятель Фреда, младший лакей Карл, который нес попугая в клетке, сделанной в форме собора Святого Павла. — Шлепнешься. А Ястребиному Глазу это не понравится. — И он дернул подбородком в сторону дверей, где высился лорд Ястреб с громадной папкой с бумагами.

Фред подбросил в воздух плетеный сундучок и улыбнулся, ловко поймав его прямо на верхушку кипы сена.

— Зря ты мне не доверяешь, Карл! Чем больше будем брать, тем быстрее все перетаскаем. Я могу это делать с закрытыми глазами!

— Только не говори, что я тебя не предупреждал. — Карл стал подниматься по ступеням, но обернулся. — Осторожно, тут щенок!

Сено свесилось по бокам и закрыло Фреду уши.

— Что? — спросил он. — Не слышу.

— Бродячий щенок, — терпеливо повторил Карл. — У лестницы. Питер только что чуть об него не споткнулся.

Фред усмехнулся:

— Ничегошеньки не слышу. Хорошо, что ты никогда не говоришь ничего дельного, правда? — и ступил на лестницу.

— Боже мой, — тихо произнес Карл через несколько секунд. — Я же говорил...

Фред сел и помотал головой. Он надеялся, что открывшееся ему зрелище — это редкий побочный эффект удара головой о бетонную ступеньку, но боялся, что это не так.

Императорские подарки лежали вокруг него.

Сотня затейливо побитых тарелок. Одна серьезно помятая серебряная ваза под легким соусом из персикового пюре. Одна разодранная пурпурная ночная сорочка, которая... Фред поморгал. Одна разодранная пурпурная ночная сорочка, которая изо всех сил старалась оказаться где-нибудь подальше.

Фред наклонился, осторожно пошарил под пузырящимся шелком — и кто же оттуда вылез?!

— Щенок! — изумился Фред. — Так это я об тебя споткнулся? Да не выкручивайся, я тебе ничего плохого не сделаю! Откуда ты взялся, а?

Щенок дрожал и лизал Фреду руку. Он был такой худенький, что Фред чувствовал все его ребрышки.

— Хочешь есть, — тихо сказал Фред. — Что бы тебе раздобыть? Ага!

Из корзины вывалился окорок, скатился по ступенькам и остановился в луже. Непринужденно глядя в небо, Фред ловко запинал окорок за одного из мраморных львов, стоявших по обе стороны ступеней, а потом присел рядышком на корточки, чтобы не бросаться никому в глаза.

— Держи, приятель! — С этими словами Фред отрезал перочинным ножом изрядную порцию. — Лопай. По-моему, тебе это нужнее, чем прочим.

— Что за безобразия? — прогремел с верхушки лестницы грозный голос. — Какой болван все это натворил?

— Ой! — И Фред поднялся на ноги, прижимая окорок срезом к груди. — Это я, сударь. Простите, сударь. — Краем глаза он видел, как щенок, виляя хвостиком, забивается подальше за льва.

Лорд Ястреб прикрыл глаза:

— Так я и знал. Почему у тебя вечно все не так? Немедленно наведи здесь порядок — и за работу, болван!

— Да, сударь!

И после этого Фред целый час носился вверх-вниз по лестнице и был так занят, что мог только иногда бросить взгляд за мраморного льва, но каждый раз он видел, что щенок никуда не делся.

— Забудь, — посоветовал Карл, когда они снова оказались рядом, вернувшись за очередной порцией подарков. — Старая курица в прескверном

настроении. У половины подарков потерялись ярлыки, а ты же знаешь, как он из-за этого бесится.

— Вот бы протащить его с собой внутрь... — не слушая Карла, бормотал Фред. — Ночью будет холодно. Чувствуешь, какой ветер? А ценку нужно тепло, пища и присмотр...

По площади пронесся порыв ветра, швырнув мальчикам в лицо сухие листья и пыль. Из-за статуи Катберта Кошмарного что-то вылетело и обвилось вокруг правой ноги Фреда. Это был обрывок плетеного шнурка, серебряного с золотом, с ярлыком на конце:

*Нашему любимому императору
от Тильдии Храниителей Редких
и Экзотических Зверей*

— Ну вот, еще один потерявшийся ярлык! Интересно, откуда он?

Фред свернул шнурок в моточек и сунул в тот карман, где держал Полезные Вещи, к голубому стеклянному шарик и занятой рогульке, похожей на человека.

— Да этого никто не знает! И кому какое дело? — Карл вытащил из горы подарков фетровую шляпу в виде вагонетки с углем, украшенную голубиными перьями. — Все равно по ярлыку подарок не опознаешь. Пошли, я уже замерз.

Фред застыл на месте с рукой в кармане. На его лице появилось странное выражение.

— А теперь что случилось? — спросил Карл. — Тебя что, опять озарило? — Фредовы озарения славились по всему дворцу. — Как на той неделе, когда тебе взбрело в голову высадить во внутреннем дворе фасоль вместо роз? — Он хихикнул. — Или как вчера, когда ты решил превратить большую клумбу в заповедник? Я слышал, главный садовник был просто в восторге!

— Тс-с! — В глазах у Фреда появилось отстраненное выражение. — Я... я думаю.

— Не советую, — снова сказал Карл. — У тебя такой образ мыслей, что от них одни неприятности!

И уже второй раз за день он оказался совершенно прав.

— Имя? — рявкнул лорд Ястреб на Фреда пять минут спустя. — И не говори мне больше «Фредерик», мальчишка! Как тебя зовут, меня не интересует, мне нужно имя дарителя!

— Гильдия Хранителей Редких и Экзотических Зверей, сударь! — отчеканил Фред.

— Подарок?

— Сундук, один, плетеный. Зверь, один, экзотический. Отнести в гостиную? — Он держал сундучок подальше от лорда Ястреба.

— Постой! — Лорд Ястреб нахмурился. — Зверь — это нехорошо. Нельзя же поблагодарить Гильдию за безымянного зверя. Что это за зверь?

Фред поднял крышку сундучка и заглянул внутрь:

— Э-м-м-м... Ну, он маленький и такого серовато-бурого цвета, сударь, и немножко похож на собаку.

Он захлопнул крышку и одарил лорда Ястреба своей самой чарующей улыбкой.

Улыбка пропала зря. Лорд Ястреб тяжело вздохнул и протянул к сундуку руку. Один взгляд под крышку — и брови лорда так и сдвинулись.

— Немножко похож на собаку? Совсем не немножко, мальчишка! Это собака и есть! Но почему, почему Гильдия решила преподнести императору эту отвратительную собаку?!

— Это очень редкая собака, сударь, — ответил Фред. — Поглядите на ярлык.

Обитатель корзины — маленький, грязный и жалостно тощий — обладал плетеным ошейником из серебряного с золотом шнурка, с которого свисал ярлык. На лицевой его стороне значилось:

*Нашему любимому императору
от Тильдии Хранибелей Редких
и Экзотических Зверей*

А обратная сторона гласила:

*Последний из Гракльхаундов
кормить регулярно*

Лорд Ястреб нахмурился еще сильнее.

— Гракльхаунды? Что за гракльхаунды?

— Это австрийская порода, сударь, — сказал Фред. — Мне про них рассказывала бабушка. Они живут в горах и охотятся на граклей.

Чего императорские советники терпеть не могут — так это когда их поучают ничтожества вроде Фреда. От взгляда лорда Ястреба увяла бы целая клумба бархатцев.

— Я знаю! Неужели ты думаешь, что я не знаю, кто такие гракльхаунды?!

— Ах, извините, сударь! — Голос у Фреда был смиренный и робкий. — Это очень редкие и экзотические собаки, о них даже в книгах не пишут. Многие о них никогда не слышали.

На сей раз от взгляда лорда Ястреба зачихла бы дубовая роща.

— Может быть! А я — слышал! Почему же ты сразу не сказал, что это гракльхаунд? Отнеси его в гостиную к остальным подаркам — и за работу!

— Да, сударь, — послушно ответил Фред. — Извините, сударь.

Он с трудом удерживался, чтобы не пуститься в пляс по мраморному коридору.

У двери гостиной он налетел на Карла.

— Познакомься, это гракльхаунд, — провозгласил Фред, гордо потрясая сундучком. — Я называю его Сэм. Вылитый Сэм, правда?

Щенок встал на задние лапки и глядел через край, так отчаянно виляя хвостом, словно старался вилять всем телом.

Карл вытаращился на него:

— Гракль... что?!

Фред подмигнул и пихнул приятеля под ребра:

— Только не говори мне, будто никогда не слышал о гракльхаундах! Вот лорд Ястреб — тот слышал, хотя в книгах про них не написано. Но ведь старина Ястребиный Глаз знает все на свете!

Карл перевел взгляд с Сэма на своего приятеля и медленно покачал головой:

— Если ты имеешь в виду то, что ты, по-моему, имеешь в виду, ты своего добился. Если он узнает, то освежает тебя живьем.

— А откуда он узнает? — ответил Фред. — Кажется, император не особенно хранит свои

подарки. Отдаст Сэма кому-нибудь, как и все прочее. А тот, к кому Сэм попадет, будет беречь его как зеницу ока, — это же пес самого императора! Да и как до Ястребиного Глаза может прийти, что это не последний из гракльхаундов?

— Дойдет — и все, — отозвался Карл. — Как всегда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чумазик принимал первый в жизни душ под холодной струей из шланга во дворе. Визжал он так, что по всей улице распахивались окна и оттуда высовывались головы.

— Не вертись! — кричал Грегори, сражаясь со щенком, мокрым и скользким, словно рыба. — Я тебе покажу! Прекрати! Ох! Да не смейся ты, Анна! Что стоишь — лови его!

Анна очень старалась, но поймать мокрого щенка, который наматывает вокруг тебя круги на высокой скорости, не так-то просто. Особенно если никак не перестать смеяться.

— Попался! — пропыхтела она наконец, сидя в луже и прижимая к себе щенка. — Только погляди на себя, скверный ты пес! Еще грязнее стал!

Чумазик лизнул ее в нос.

— И ты тоже. — Грегори прислонился к стене и вытер глаза. — Полезай-ка тоже под шланг. Может быть, щенок не будет так возражать, если

ты сама его поддержишь. Только ни за что не отпускай его!

— А я его и не отпускала, — с достоинством возразила Анна. — Давай, Чумазик. Вымоемся вместе. Тебе понравится, вот увидишь!

Она глубоко заблуждалась.

Было уже за полночь, но в гостиной во дворце еще горел яркий свет: император уныло изучал свою гору подарков. Как бы так устроить, чтобы избавиться от них и никого не обидеть?

Конечно, еду и одежду раздадут бедным. Пирог и сладости можно отправить в детскую больницу. Но куда, скажите на милость, девать комплект панталон, расшитых бриллиантовыми шипами: вроде голубиных коготков, или каменную подушку, исцеляющую ветрянку и страх перед ежиками?

В лечебницу для душевнобольных?

Он устало повернулся к советнику:

— Ястреб, вот вы все знаете, скажите, как бы поступил на моем месте мой отец?

— Выставил бы это на благотворительный аукцион, — не задумываясь ответил лорд Ястреб.

— Чудесно. — Император вздохнул. — Что бы я без вас делал? Передайте всем большое спасибо и выставите остальные подарки на благотворительный аукцион. Скажите, а нельзя ли ввести закон, отменяющий дни рождения?

— Сомневаюсь, ваше величество. — Лорд Ястреб сверился со своими бумагами. — Тогда остается лишь распорядиться животными. Один

волк, один леопард, страдающий чесоткой, один попугай минус перья, один крокодил, две ящерицы, один дрессированный питон и один гракльхаунд.

— Один гракльхаунд? — В голосе императора послышался интерес. — А что это такое?

— Австрийская горная собака, ваше величество, — невозмутимо ответил лорд Ястреб. — Это охотничья порода.

— На кого с ней охотятся?

— Разумеется, на граклей, ваше величество.

— Да, разумеется, — быстро сказал император. — Именно так. На граклей. — Ему страшно хотелось узнать, что такое гракль, но он не спросил бы об этом прямо даже под страхом смерти. — Опасное это дело, охота на граклей, да?

Лорд Ястреб улыбнулся:

— Риск значительный, но, по моему опыту, ни один вид спорта с этим не сравнится.

Император прищурился.

— Вам приходилось это делать? Вы правда охотились на граклей? С гракльхаундом?

Последовала пауза в какую-нибудь тысячную долю секунды.

— Это было давно, — скромно сказал лорд Ястреб. — Нужно быть в хорошей форме, ваше величество. Это забава молодых.

— Понятно, понятно. — Самым захватывающим развлечением в жизни императора были уроки тенниса, а лорд Ястреб заставил его бросить занятия, когда у императора разболелся локоть. — И вам для этого нужен был гракльхаунд?

— Без него никак, — твердо сказал лорд Ястреб. — Сейчас, конечно, они исключительно редки. Полагают, что ваш гракльхаунд последний из этой породы. — Он посуровел. — Подумать только.

Император тоже попытался посуроветь, но получилось только погрустнеть.

— Какая ужасная ответственность. Что же мне с ним делать? Он большой? Пожалуй, надо на него посмотреть. Последний из гракльхаундов... — Звучало это торжественно. И вдруг император принял решение. — Я на него посмотрю. Если подумать, Ястреб, нет ничего выше... гм... священной ответственности за живое существо.

— Полностью с вами согласен. — Лорд Ястреб протянул руку к сонетке с кисточкой. — Я велю сейчас же послать за животным.

Анна нашла севший свитер и устроила Чумазику постель в коробке у себя под кроватью. Щенок прогрыз коробку, вытащил свитер и с обожанием положил его к обутым в тапочки ногам хозяйки.

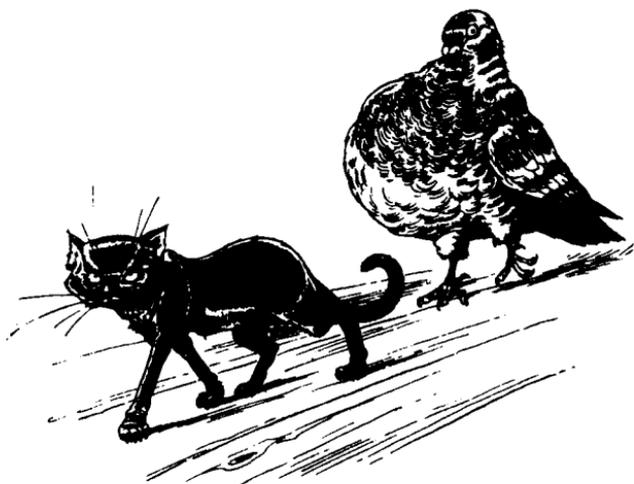
— Хороший песик! — сказала Анна, на которую это произвело сильное впечатление.

Грегори смотрел на щенка куда трезвее.

— Да, согласен, вероятно, он пытается нам сказать, что не хочет спать в коробке, — произнес он час спустя, падая с ног от усталости. — Возможно даже, ты права, что считаешь его умницей, хотя лично я не вижу в нем особых признаков разума. Я только хочу сказать, что он шумный. Уже за полночь! Он погубит репутацию нашей улицы!

Грегори осекся, так как на подоконник вспрыгнул потрепанный черный кот без половины уха и начал скрестись в стекло.

— А этот кот уж точно погубит нашу репутацию! — Грегори покачал головой, глядя, как Анна открывает окно. — По всему городу расклеены его портреты с подписью: «Разыскивается!» Неужели ты хочешь сказать, что впускаешь его сюда каждую ночь? — А когда с дымовой трубы на подоконник тяжело шлепнулся толстенный голубь и протопал в окно вслед за котом, Грегори застонал: — И еще эта жуткая птица! Они друг друга стоят! Самые наглые воры в городе! — с чувством закончил он.

Анна закрыла окно:

— Они составят Чумазику компанию. Скрасят его одиночество. Помогут ему освоиться. И все такое.

— Скорее научат его дурному, — отозвался ее отец, выключая свет. Потом он снова его включил,

чтобы напомнить дочери: — И не забывай, они спят у тебя *под* кроватью.

— Куда же им еще податься? — с жалостью в голосе ответила Анна.

Пока Фред не начал работать во дворце, он жил с бабушкой в тесной комнатухе за скобяной лавкой. Среди скверных сторон его новой работы было и то, что теперь ему нельзя было жить с бабушкой. Теперь у него была не менее тесная комнатуха на верхнем этаже дворца. Летом там было жарко, зимой холодно, а стоило Фреду выпрямиться, и он каждый раз стучался макушкой о потолок.

Но это только начало, сказал он себе, укладываясь спать. Не всегда же он будет помощником помощника садовника. Когда-нибудь он станет помощником садовника, а потом — садовником, а потом — кто знает? — может быть, даже главным садовником. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!

Но в половине второго мечты были грубо прерваны — Карл потряс его за плечо:

— Вставай! Они требуют гракльхаунда — император и Ястребиный Глаз! Он тут?

— *Гракльхаунда?* — Фред протер глаза. В щеку ему ткнулся влажный нос. — Уй! Ага, вспомнил! Да, здесь.

— Одевайся и веди его вниз, да поскорее, если тебе дорога твоя шкура! — мрачно сказал Карл. — И сам и показывай его императору. А я не буду ни за какие коврижки!

— А зачем он им понадобился? — спросил Фред из-под рубашки. — Как ты думаешь, они не... — От ворота отлетела пуговица, и из рубашки высунулась голова Фреда. — Не догадались?

— А я откуда знаю? — закричал Карл. — Неужели ты считаешь, что император так уж все мне и выложит? «Ах, Карл, сбегай, пожалуйста, приведи этого так называемого гракльхаунда, сейчас я выведу вас всех на чистую воду!» Да будь у них полмозга вместо целого, они бы и так что-то заподозрили, вот все, что я могу сказать! Нельзя взять обычного щенка и убедить целый мир, будто это невиданный зверь, о котором никто никогда не слышал! Не такие все дураки!

— Он не обычный, — кротко возразил Фред, натягивая ботинки.

— Но он и не гракльхаунд!

— Но учится он очень быстро. Уже знает свое имя, и я почти что научил его команде «сидеть». А когда он сделал лужицу, сразу было видно, что ему стыдно. Чутьочку любви и внимания — и из него получится просто чудо!

— Да уж конечно, будет ему и любовь, и внимание, когда Ястребиный Глаз докопается до правды! — насмешливо ответил Карл. — Пинка под зад — и на улицу, вот что ему будет! Да и тебе, скорее всего, тоже! Пошевеливайся, а!

— Я готов. — Фред вытащил щенка из-под одеяла и бережно опустил его обратно в плетеный сундучок. — Тогда лучше постараться, чтобы никто ни до чего не докопался, правда?

— Значит, это и есть гракльхаунд... — Император с любопытством глядел на Сэма, который сидел, дрожа, на мраморном полу. — Никогда бы не подумал. А вы подумали бы, а, Ястреб?

Фред не дыша смотрел, как императорский советник щелчком сбивает пылинку с обшлага. И снова начал дышать, когда лорд Ястреб заговорил:

— В юном возрасте представители этой породы выглядят невзрачно, ваше величество, но настоящего специалиста не обманешь. Форма головы выдает в нем чистокровный экземпляр.

— Форма головы... — Император уставился на щенка сверху вниз, прищурив глаза. — Да-да-да, кажется, я вас понимаю. Полагаю, взрослые особи выглядят совсем иначе? — И он обернулся на Фреда, ожидая ответа.

— Нет... не настолько, ваше величество. — Фред был потрясен, обнаружив, что врать императору гораздо труднее, чем лорду Ястребу.

— Но он станет крупнее? — уточнил император.

Фред помолчал, сражаясь с собственной совестью.

— Естественно, — нетерпеливо вмешался лорд Ястреб.

— И злобнее?

— Э-э-э...

— Как тигр, ваше величество, — сказал лорд Ястреб. — Это подтвердит вам любой охотник на граклей.

Щенок зевнул и пристроил голову Фреду на ботинок.

— Вид у него не злобный, — заметил император.

Фреду удалось ловким ударом положить совесть на лопатки.

— Обычно они не проявляют злобности, пока поблизости нет граблей, — сказал он.

— Именно, — громко заявил лорд Ястреб, не желавший уступать Фреду пальму первенства. — А тогда...

— Тогда шерсть встает у них дыбом от макушки до пят! — подхватил Фред. — И они... они ужасно рычат! Гр-р-р-р-р!

Император отпрянул.

— А потом они бросаются! — То, как лорд Ястреб изобразил гракльхаунда в действии, стало неожиданностью для всех, включая его самого. — И они раздирают гракля в клочья, ваше величество! — добавил лорд Ястреб уже более спокойным тоном.

— Пока не останется ничего, кроме смертоносного рога гракля! — с триумфом закончил Фред. — И его кровожадных когтей, и его громадных клыков!

— Вот ужас-то! — Император принял тайное решение никогда и не помышлять об охоте на граклей. — Какое это, должно быть, необыкновенное существо. А на вид такой смирный... Знаете что, Ястреб? Я оставлю его себе! Последний из гракльхаундов, ну надо же... Он будет моим талисманом. Не терпится посмотреть, каким он станет, когда вырастет.

Душа у Фреда сделала двойное сальто и ринулась в пятки.

— Что стоишь с разинутым ртом, мальчишка? — свирепо зашипел лорд Ястреб. — Увести гракльхаунда! Завтра он отправится на императорские псарни, где его обучением займутся лучшие дрессировщики! Такова императорская воля!

Чумазик спал, положив голову Анне на живот, — такое размещение устраивало обоих. Их

тихое посапывание не мешало коту и голубю обсудить новенького.

«Могло быть гораздо хуже, — гласил вердикт кота. — У него есть характер. Вероятно, из него выйдет толк. Разумеется, ему понадобится обучение».

Голубь наклонил голову:

«Кража или попрошайничество?»

«И то и другое. Крепкое начальное образование никогда не помешает. Кто внесет предложение — ты или я? — Кот зевнул и элегантно почесался. — Хорошо. Итак, я предлагаю, чтобы новобранец приступил к обучению завтра с самого утра. Принято?»

«Принято», — кивнул голубь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда Сэм вернулся из псарни во дворец, он был императорской собакой до мозга костей. Он знал, как полагается приветствовать посла иностранной державы (один негромкий тявк) или главу государства (два). Он мог маршировать во время процессий гордо, словно генерал. Он мог тактично проспять балет и часы напролет простоять, как статуя, принимая парад, невзирая на скуку, усталость и холод.

Естественно, больше ему не приходилось делить с Фредом его тесную комнатку. Императорский гракльхаунд спал на шелковой подушке в будке у самых дверей императорских покоев. Младший лакей ежеутренне наливал ему душистую ванну, вытирал бархатным полотенцем и приносил завтрак на тарелке, украшенной самоцветами.

— Он стал совсем не тот! — жаловался Фред, когда одним ветреным майским утром они с Кар-

лом глядели, как Сэм гуляет во внутреннем дворе. — Забыл, как играть! Только посмотри на него!

На ухо Сэму села бабочка. Вместо того чтобы потряхнуть головой, как любой нормальный пес, Сэм попытался сделать вид, будто никакой бабочки нет. Он так сосредоточился, что весь окостенел, словно решал в уме длинные примеры на деление.

— Это обучение его погубило! Он ведет себя, как... как... как... — У Фреда впервые в жизни не нашлось нужного слова.

— Как настоящий гракльхаунд, да? — ненавязчиво подсказал его приятель. — Но ведь этого от него и ждали, помнишь? Чем меньше он похож на других собак, тем лучше для него — и тем лучше для тебя. Жалко, что он не очень быстро растет и не очень свирепо выглядит. Рано или поздно кто-нибудь обо всем догадается. Это вопрос времени.

— А некоторые гракльхаунды растут несколько лет, — тут же нашелся Фред. — У них, ну, как его, замедленное развитие.

Карл усмехнулся:

— Это ты кому-нибудь другому лапшу на уши вешай. Ты же со мной разговариваешь, а я и так все знаю. И ты уж реши, кем хочешь его видеть — последним из гракльхаундов или обыкновенным щенком, — добавил он. — Потому что и тем и другим он быть не может.

— Ну почему? — воскликнул Фред. — Почему для того, чтобы о нем заботились, ему обязательно нужно было стать последним из кого-то там?

Обыкновенные животные ничем не хуже! Я начинаю жалеть, что выдал его за гракльхаунда!

— Но ты это сделал, — напомнил ему Карл. — И теперь вам никуда не деться — и ему, и тебе. А я ведь тебя предупреждал!

Фреду от всего этого было уже настолько тошно, что он промолчал.

Неделю спустя император давал очередной вечерний концерт. Сэм внимательно слушал, сидя у трона и растворившись в музыке. Когда она смолкла, Карл выпустил его погулять во внутреннем дворе.

Фред стоял на четвереньках и старательно оттирал каждый камешек в брусчатке, пока те не начинали сиять в лунном свете. Сэм понюхал воздух — сурово, как и подобает последнему из гракльхаундов, — и тут ему на нос внезапно что-то приземлилось.

Сэм вскинулся, помотал головой и тьякнул. *«Ничего себе! — говорил этот тьяк. — Только поглядите!»*

Фред обернулся через плечо:

— Что случилось, ваше собачество? Липовый листок? Во внутреннем дворе императорского дворца? Какая наглость!

«Именно, — подумал Сэм. — Совершенно согласен».

Фред сунул листок в карман и почесал лоснящуюся голову Сэма.

— Разве ты хочешь сказать, что никогда не видел, как с деревьев падают листья? Чего же тебе тогда не хватает, а, приятель? — Он продолжал почесывать песику голову. — Луж? Дождика? Кошек? Других собак? Жизнь у тебя не больно-то веселая, правда?

«Веселая?» Сэм застыл, словно статуя. Ему нравилось, когда ему чесали голову. Но тем не менее он был глубоко оскорблен.

Он видел достаточно собак — в окно императорского автомобиля во время прогулок. Что такое дождь, он тоже прекрасно знал — замечал, какими мокрыми становятся слуги, которым приходится держать зонтики во время официальных мероприятий. А что касается веселья...

«Мне не полагается веселиться, — возмущенно думал Сэм. — Я слишком важная персона. И об этом наверняка знают даже помощники помощника садовника!»

Судя по всему, этот помощник помощника садовника ни о чем не знал.

— Эй! — воскликнул он, и глаза у него загорелись. — А я придумал, как тебя позабавить! Подожди минутку.

Сэм вздохнул:

«Ну, что еще?»

Фред метнулся по направлению к садовому сарайчику. Секунду спустя он вернулся с полной шевелюрой паутинок и синим мячиком.

Сэм понюхал мячик и отвернулся. *«За кого он меня принимает — за щенка?»*

Фред скосил глаза, чтобы поглядеть, как крошечный паучок прыгает с парашютом у него со лба.

— Ну давай, — подбодрил он Сэма, проследив, чтобы паучок благополучно приземлился. — Я брошу мячик, а ты за ним побежишь, идет?

Сэм не поверил своим ушам: *«Бегать? Собаке моего ранга?!»*

— Ну что ты так смотришь? Тебе понравится, честное слово! Внимание! Лови!

Он бросил мячик, и тот шлепнулся прямо в фонтан.

«Какая неприятность!» Сэм грациозно удалился в противоположном направлении и уселся на один из камней, которые отполировал Фред. *«Нужно сделать вид, что этого смехотворного эпизода просто не было», — засопел он.*

Но Фред никак не хотел его понять. Через несколько секунд он снова вернулся.

— Последний шанс, ваше собачество, — строго сказал он. С его рукава на камни капала вода, оставив след с того места, где Фред полез за мячиком в фонтан. — Видишь мячик? Принесешь его — он твой. На псарнях тебя наверняка учили носить поноску. Ты же не забыл, чему тебя учили, правда?

Сэм окаменел и наградил Фреда ледяным взглядом:

«Забыл?! Гракльхаунды никогда ничего не забывают!»

— Тогда внимание! Лови!

Сэм даже не понял, как так вышло, но, когда Фред бросил мячик, Сэм бросился за ним. Только на сей раз мячик ударился о землю, отскочил, перепрыгнул стену и оказался на улице.

Сэм поздновато затормозил, налетел на стену и стукнулся носом. *«Ой!»*

Фред огорченно вскрикнул. Ворота на закате запирали. Достать мячик было невозможно.

Тогда Фред снова почесал Сэму макушку.

— Извини, ваше собачество. Придется тебе подождать до завтра. Завтра кто-нибудь да пошлет меня в город. И я принесу тебе мячик, честно!

«Как это — завтра? — Сэм прошествовал к воротам и один раз тьякнул. — Я хочу сейчас!»

— Никак, — Фред помотал головой, отчего запутавшаяся у него в вихрах ухвертка со свистом отлетела в сторону. — Я же сказал: подожди. Вот и Карл за тобой пришел. Спокойной ночи, ваше рычательство!

Ночью, лежа в своей будке, Сэм думал о мячике. Закрывая глаза, он так и видел, как мячик проносится в воздухе. Если бы не стена, Сэм бы его обязательно поймал.

Он так хотел его поймать.

«Подобает ли гракльхаундам ловить мячики? Наверное, да, — думал Сэм, — а то бы мне не хотелось этого так сильно. А теперь я вынужден ждать — ждать! — пока Фред найдет время принести мне мячик обратно!»

Сэму уже несколько месяцев не приходилось ничего ждать. Ему это не понравилось.

«Этому мальчишке следовало проявить больше почтительности, — твердил себе Сэм, устраивая нос на лапах. — Я ведь не простая собака. Я последний из гракльхаундов. Если я хочу мячик, то... то...»

Он и сам не знал, что бы он сделал, но тут его осенила блестящая мысль:

«Я пойду и возьму его сам!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Не выпускай сегодня пса, — сказал Грегори Анне, надевая после завтрака пальто. Чумазик поднял голову, оторвавшись от кости, которую грыз под столом. — Были жалобы.

Анна, сидя за столом, делала скульптуру из кусочков гнутой проволоки и серебряной фольги. Она не стала поднимать голову.

— Мясник?

— И не только, — невесело усмехнулся Грегори. — Тот рыжий бродяга, который слоняется у реки, заявил, что Чумазик его укусил.

— Отлично, — проурчала Анна. — Он бросается камнями в кошек. Я видела.

— А Альф Фишгард...

— А он ставит силки на птиц. Страшный человек.

— Страшный человек, которому благодаря нашему Чумазику понадобилась заплатка на задущтанов. Нам повезло, что он еще не докопался,

чья именно собака его укусила. А еще госпожа Хаббл, которая оставила на тарелке у открытого окна баранью котлетку...

— А чего она ожидала? Нечего оставлять еду без присмотра! — Анна откинула со лба челку и сердито взглянула на отца. — И откуда она знает, что стянул ее именно Чумазик?

— А Чумазик ее и не брал, — ответил Грегори. — Ее стянул кот. Госпожа Хаббл все видела. Кот утащил котлетку со стола и швырнул ее в сад...

— Ну вот, — с глубоким облегчением начала Анна.

— ...А там ее подхватила дворняжка, по приметам совпадающая с описанием Чумазика, — продолжал Грегори. — Пес убежал, но, по словам госпожи Хаббл, она бы его поймала, если бы не голубь.

Анна уронила скульптуру.

— Голубь? — спросила она, изрядно покраснев, когда собрала все кусочки.

— Да, и, судя по всему, он бомбардировал ее на бреющем полете, пока она не отступила в дом. Занятная история, правда? — Грегори допил кофе. — Нечто похожее я слышал на той неделе. Наш мясник открыл дверь своей лавки, потому что услышал, как на пороге скулит собака. Едва он открыл дверь, как в лавку влетел голубь и утащил с прилавка упаковку салями в нарезке. Мясник попытался оглушить птицу метлой, но споткнулся. — Грегори ласково взглянул на дочь. — И обо что это он, интересно, споткнулся, Анна?

— О кота? — сердито предположила Анна, хмуро глядя на скульптуру.

— Именно-именно, о кота. В суматохе все три зверя исчезли. Вместе с упаковкой салями, полдюжиной сарделек и куском свиной печени. Загадочная история. — Жестянщик похлопал себя по карманам, проверяя, не забыл ли инструменты. — Кот, собака и голубь. Тебе это ничего не напоминает?

Анна хмыкнула.

— Так что не выпускай сегодня Чумазика и дай всем возможность о нем забыть. Мне положен поцелуй на прощание или ты очень занята?

Он получил поцелуй и ушел.

И поскольку он не очень плотно затворил за собой дверь, пять минут спустя за ним ушел и Чумазик.

Как может пес вернуть себе мячик, оказавшийся за оградой дворца, если его, пса, никогда не выпускают наружу без присмотра? Сэм всесторонне обдумал эту задачу на следующий день во время обеда, состоявшего из пяти блюд.

Насколько он мог судить, у задачи было только одно решение.

Когда после обеда Сэм вышел прогуляться в сад, Фред потрепал его весьма непочтительно. Он только что узнал восхитительную новость.

— А знаешь, кто поведет тебя сегодня на парад? — спросил он с загадочным видом. — Я, вот кто! Карл простыл, Майк нездоров, Бен растянул ногу, ворчун Джайлс поехал навестить бабушку,

а все остальные слишком важные персоны, так что остаюсь только я. Ну, что скажешь? Мы славно погуляем!

Сэм неожиданно благосклонно отнесся к тому, что ему еще раз взъерошили всю шерстку.

«Значит, сегодня поводок будет держать Фред. Хорошо.

Даже больше чем хорошо.

Отлично».

— Чумазик! Чумазик!!!

Анна весь дом перевернула, надеясь обнаружить пса спящим под ее кроватью или за диванчиком. Потом она прочесала двор, на что много времени не понадобилось, а затем — весь переулок.

Она видела Арнольда — тот принимал пылевую ванну.

Она пробежала мимо Тома — тот спал на залитом солнцем подоконнике.

Но нигде не было ни следа чумазого песика, обладающего привычкой наклонять голову к плечу, когда ему очень интересно.

— Чумазик! — сердито кричала Анна. — Ты где?

— Не надо улыбаться, мальчишка. — Лорд Ястреб смерил Фреда взглядом и скривился, как от боли. — Сопровождать гракльхаунда — это огромная ответственность. Ты это понимаешь?

— Да, сударь, — очень торжественно отвечал Фред.

— Что у тебя с брюками?

— Это брюки Карла, сударь. Я выше его. Если подтянуть носки, будет незаметно.

— Так подтяни! — рявкнул лорд Ястреб. — И поправь ленту на гракльхаунде! Это не цирк! Так. Теперь займи свое место в шеренге сразу за коляской императора. И помни: я буду лично присматривать за тобой! Ступай!

Площадь перед дворцом была полна народу. Все выкрикивали приветствия и размахивали флагами.

— Слышишь? — сказал Фред Сэму, вышагивая по проспекту Семи Побед. — Это они нас приветствуют — нас с тобой, ваше собачество!

«Вообще-то только меня», — уточнил Сэм.

Когда они проходили мимо группы школьников, дети осыпали их конфетти. Фред лучезарно улыбался и грациозно махал им в ответ.

— Столица у наших ног! — хихикнул он. — Может быть, нам стоит сделать какой-нибудь выдающийся подарок всем горожанам, например учредить государственный праздник, а?

Сэм дернул хвостом — ничего более похожего на виляние гракльхаунд себе позволить не вправе. Он тоже задумал подвиг, но совсем не такой, о каком мечтал Фред.

Пять минут спустя, когда духовой оркестр играл громче некуда, а толпа оглушительно ликовала и размахивала знаменами и транспарантами, Сэм выдернул поводок у Фреда из рук, проскользнул между ногами у генерала с четырьмя звездами на погонах и юркнул в толпу.

— Эй! — закричал Фред, которого разом спустили с небес на землю. — Назад!

— Болван! — зашипел, не двигая губами, шагавший мимо лорд-камергер. — Верни гракльхунда, а не то тебя...

Последнее слово заглушили фанфары, однако что-то подсказывало Фреду, что это было слово «уволят».

— Я сказал «назад»! — проревел он, врезаясь в толпу.

Сэм несся вдоль тротуара, гордо подняв голову, а за ним развевался золотой поводок. Пока

что все получалось как надо. Оставалось только найти дорогу к той улице за дворцом. На первом же перекрестке он остановился, чтобы принюхаться и решить, куда свернуть.

Фред углядел вдали пурпурную ленту и оглушительно заорал:

— Пятьдесят фунтов всякому, кто поймает этого пса!

Когда лента исчезла за лесом ног, Фред повысил ставки:

— Сто фунтов! Двести фунтов! Кто-нибудь, остановите пса!

Двести фунтов?!

Все вытянули шеи, чтобы разглядеть пса, о котором Фред говорил. Внезапно к Сэму со всех сторон протянулись руки.

Бац!

Мужчина в цилиндре придавил золотой поводок ботинком, но Сэм рванулся вперед, и поводок выскочил.

Хвать!

Девушка в голубом платье попыталась схватить Сэма, но в последнюю минуту он вывернулся у нее из рук.

Цап!

Старушка зацепила Сэма за ошейник зонтиком, но ошейник лопнул.

Кто-то дернул песика за хвост. Еще кто-то едва не наступил ему на лапу. Сэм рычал, уворачивался и дергался. Только бы выбраться из толпы...

И вдруг сквозь лес ног он поймал взгляд пары глаз, находившихся в точности на одном уровне

с его мордочкой. Глаза принадлежали самому чумазому песику в мире.

«Сюда! — гавкнул песик. — За мной, живо!»

И Сэм повиновался.

Следующие десять минут выдались самыми волнующими в его жизни. Он лихо огибал углы и мчался по переулкам. Он так и летал по лестницам, дворам и садам. Он протискивался под изгородями, перепрыгивал заборы, плюхался в лужи. Где-то по дороге он потерял ленту:

— Ловите пса! — кричал Фред, возглавивший погоню.

— Которого? — спросил в изумлении прохожий, когда между его ног проскочил сначала один песик, а следом другой.

— Императорского! — донесся до него ответный крик. — За ним!

Сэм неслся все вперед и вперед, пока бока у него не заныли, а во рту не разгорелся пожар. Тут второй пес внезапно гавкнул: *«Сюда!»* — и провел его сквозь какие-то кусты ко входу в огромную трубу, проложенную под городскими улицами. Пахло там не совсем так, как во дворце.

На другом конце трубы была река. *«Плавать умеешь? — протявкали второй пес. — Ну ничего, просто делай как я! За мной!»*

И Сэм так и поступил.

Когда два пса выбрались на берег в четверти мили ниже по течению, чумазый пес вывалялся в пыли. Сэм огляделся в поисках бархатного полотенца, но его поблизости, судя по всему, не было.

Он тоже вывалялся в пыли.

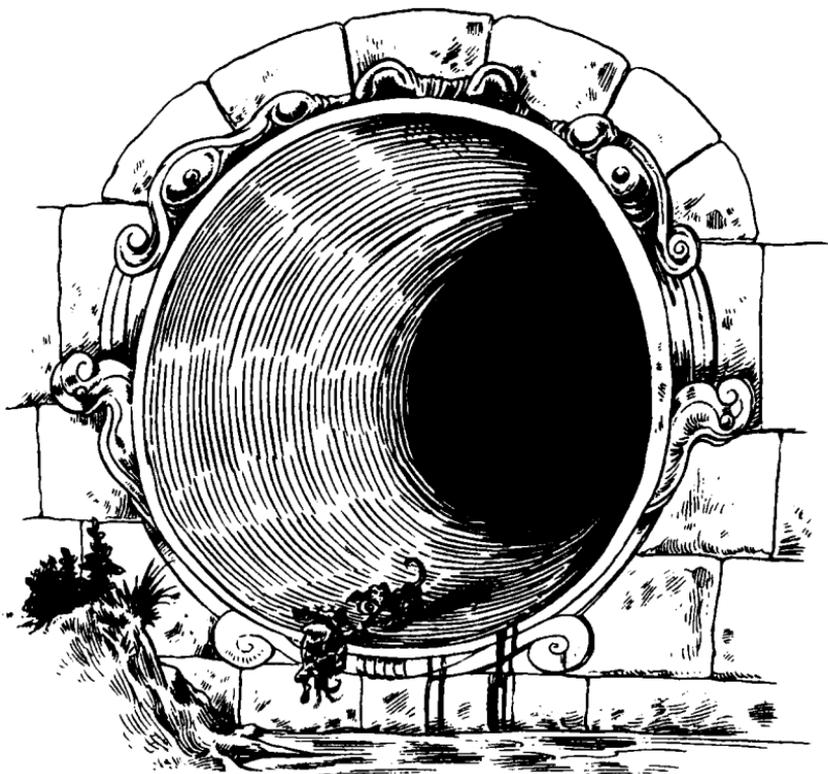
Он еще валялся, когда снова послышались крики — совсем близко.

— Вот он! — кричал Фред. — Лови его! Держите императорскую собаку!

Оба песика вскочили.

«Надо разделиться, — прогавкал другой пес. — Беги в ту сторону, прячься под мостом. А я побегу к ним, отвлеку погоню. Увидимся». И молнией умчался.

Под мостом было тихо и прохладно. Сэм улегся и положил нос на лапы. А так как он ужасно устал, то уснул.

Тем временем толпа, которая преследовала другого пса, становилась все больше и больше — и подбиралась все ближе и ближе. Куда бы он ни метнулся, его ждали руки, готовые его схватить. Двести фунтов — это же много денег. Поймать императорскую собаку хотели все.

Этот песик был самой умной, самой ютвальной, самой ловкой собакой в столице. Он заставил их побегать и насладился каждой минутой. Но все равно погоне пришел конец: песик юркнул за угол — а там стоял Фред!

— Ха! Попался, ваше собачество! — победно воскликнул Фред.

«Ваше — кто?!»

— Ну вот! — И Фред решительно засунул извивающегося щенка под мышку. — Мы идем домой!

Когда Сэм проснулся, полоска неба за мостом стала свинцового цвета. Песик сел и начал думать об обеде. Впервые за многие месяцы ему захотелось есть. Он заскулил — издал тоненький печальный писк, который ни за что не позволил бы себе, если бы знал, что его могут услышать.

— Чумазик? — произнес чей-то голос.

По берегу скатилась лавина грязи и камешков, а следом съехала девочка, худенькая, оборванная, исцарапанная и неряшливая.

— Чумазик! — снова окликнула Анна, всматриваясь в полумрак. — Это ты?

«Разумеется, нет. Неужели я похож на Чумазика?»

Сэм так устал, что бегать уже не мог. Он остался на месте, надеясь, что девочка его не заметит.

Она сделала шаг в полумрак. Потом еще два шага. А потом...

— Чумазик! — радостно воскликнула она. — А я тебя везде ищу! Иди сюда, плохой ты пес! — И она подхватила его на руки.

«Помогите! Похищение!»

— И нечего лаять! — Анна нежно сжала песика в объятиях. — Я заберу тебя домой!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Фред получил такой нагоняй, что всем нагоняям нагоняй, в присутствии половины дворца.

— Убирайся! — прогремел наконец лорд Ястреб. — Отправляйся в сад, к слизням, жабам и гадюкам, где тебе самое место!

— Ух, — понуро выдохнул Фред. — Если уж на то пошло, гадюк там нет... — Он встретился взглядом с лордом Ястребом. — Хорошо. Извините. Можно, я сначала верну Карлу брюки?

Лорд Ястреб содрогнулся:

— Сожги их! Они пахнут... сельским хозяйством! Как и ты сам! Отдай мне гракльхаунда и убирайся!

Фред помедлил:

— Он вам точно нужен, сударь? Он... он, честно говоря, не очень чистый...

Это было самое смелое преуменьшение столетия.

— У меня есть глаза, — заметил с высокомерной насмешливостью лорд Ястреб. — В последний раз приказываю — отдай собаку и убирайся!

Фред пожал плечами и исполнил приказ.

— Аг-хм-м-м-м-м! — сказал лорд Ястреб, вдохнув полный нос свежих ароматов городских канав. — Вааахгрмрагх?

— Он во что-то наступил, — сказал с непроницаемым лицом один лакей, незаметно пятясь подальше. — Ах, бедняжка.

— Скорее, в чем-то вывалялся, — сказал другой лакей. — От него не на шутку воняет, сударь.

— Может быть, его нужно выкупать? — непредусмотрительно заметил третий.

— Проследите за этим, — сказал лорд Ястреб, швыряя ему песика. — Ванна. Две ванны. Столько ванн, сколько понадобится. Велите Карлу выкупать собаку — сам виноват, что подхватил простуду. Не приводите собаку, пока она не будет выглядеть и пахнуть так, как подобает императорскому гракльхаунду.

— Юхухурм, сударь, — пропыхтел лакей.

— Не ерзай, — сказала Анна Сэму, немилосердно намыливая его шкурку жестким розовым мылом. — Я прекрасно знаю, что ты этого не любишь, но тебя уже пару месяцев не купали.

«Что за нонсенс! Я принимал ванну сегодня утром!»

— Не знаю, где ты сегодня побывал, но от тебя несет настоящей псиной!

«Что, простите?!»

Такого ужасного запаха, как у этого мыла, Сэму еще не доводилось слышать. Вода в тазике была ужасно холодная и щипалась. Однако, взвизгнув с непривычки, Сэм решил страдать молча, потому что именно так следует держаться, если ты пес самого императора.

— Так-то лучше! — сказала Анна, немилосердно вытирая его насухо. — А ты был таким молодцом! Не рычал, не убегал. Даже не попытался меня тяпнуть! Пойдем сообразим тебе какой-нибудь ужин.

«Отлично! Я, пожалуй, съел бы говядины повеллингтоновски и, возможно, чуточку трюфелей. Найдется ли это у вас?»

Анна крепко обняла его и унесла в дом.

— Боже бой! — Опуская Чумазика в пышущую паром посеребренную ванну, Карл даже отвернулся.

«Эй! За кого меня тут держат? За омара, чтоб мне провалиться?»

— Дайде бде одеколод! — Карл вылил в ванну полфлакона розовой воды и потянулся за губкой.

«Я чистый! Меня мыли в прошлом году!»

— Как бождо так выбазадься за одид-едид-стведый дедь? — строго спросил Карл, по локоть в пене. Он вылил в ванну остаток одеколона и взял жесткую щетку.

Чумазик перестал визжать и начал рычать:

«Ну только попробуй, приятель!»

Десять секунд спустя Карл уронил щетку в ванну:

— Ай! Эй! Ой! Вердись! Тебя еще дадо высушидь, расчесадь, повязадь довую леддочку для кодцерда... Вердись, кобу говорю!

«Догоняй!»

И песик помчался прочь, оставляя по дороге в мраморный зал мокрые следы.

«Ужин? — спросил себя Сэм. — И это называется ужин?»

Где его любимая тарелка? Где говядина повеллингтоновски с салатом на гарнир?

Перед ним была горка объедков в треснутом блюдечке. Неужели она думает, будто он станет это есть?

— Гм-м-м-м... — Анна прищурилась. — Так мы сегодня сытые? Мы опять совали нос в мусорный бак господина Грубера?

«Что, простите?»

— Или стянули рыбы головы, которые тетушка Ханна выставляет своей кошке?

«Помилуйте!»

— Или удрали с очередной связкой колбасок? И не делай такой невинный вид: от меня ничего не скроешь!

Она переставила блюдце с пола на стол.

— Вот так вот! Сегодня больше ничего не получишь, и не вздумай потом скулить!

«Я НИКОГДА не скулю!»

Голос у Анны стал другой:

— Придется тебе обходиться КОСТЬЮ!

Сэм сел на пол посреди кухни и уставился на нее.

— Я говорю, тебе придется обходиться КОСТЬЮ!

«Сошла с ума. Совершенно безумна. Большое несчастье». — Сэм вздохнул и улегся.

Анна бросилась на пол рядом с ним.

— КОСТЬ, Чумазик, КОСТЬ, говорю! Иди возьми! — встревоженно твердила она. — Ты же знаешь, я на самом деле совсем не сержусь. Я совершенно не хочу, чтобы ты менялся. Кость! Кость! КО-О-О-О-О-СТЬ! Ты заболел или что? Она под стулом, там, где ты ее оставил. Гляди! — Она поднялась, потрясая костью, которая вполне могла сойти за берцовую кость слона. — Смотри, вот она, твоя собственная славная косточка!

«Славная?» И это о кости, которую последние полгода глодала другая собака? Или даже не полгода — Сэм повел носом в дюйме от кости и передернулся, — а скорее год.

«Вы предлагаете мне глотать подержанную кость?!»

Он был не настолько голоден и сомневался, что когда-нибудь так проголодается.

Чумазик глядел на украшенную самоцветами тарелку с крошечной порцией печеночного паштета в легком вишневом соусе с гарниром из огурца.

«И это ужин? Не смешно!»

А где его блюдце? Где полкуска пирога со свиной, который Анна оставила от своего завтрака, где баранье сало, которое принесла в воскресенье тетушка Ханна? И где же кость?

Чумазик с сердитым рыком отвернулся от тарелки.

«Мне что, предлагается есть эту дрянь? Это же ужас какой-то!»

— Де хочешь? — Карл высморкался. — Ду и де ешь. Тебе полздо. Все равдо ешь слишкоб бдого. Давай. Уже без четверти себь: пора на кодцерд.

«Спасибо, что предупредил, приятель. И где тут можно спрятаться?»

Когда пробили церковные часы, Анна открыла дверь на лестницу и покрутила ручку.

— Наверх, — скомандовала она. — Сейчас будет урок музыки!

Сэм уселся и склонил голову к плечу.

Анна удивленно оглянулась на него:

— Давай иди! Я буду играть на скрипке! Сам знаешь, каково тебе от этого становится. Иди

наверх и прячься под кровать, чтобы тебе не было слышно.

«Прятаться? Вы ошибаетесь. Музыка я люблю».

Анна захлопнула дверь.

— Оставайся, если хочешь, только не говори, будто я тебя не предупреждала. И только попробуй завывать, залаять или даже заскулить — и тебе конец, ясно?

«Не волнуйтесь, я не из таких псов».

Анна встала на стул, чтобы достать с полки скрипичный футляр. Когда она открыла футляр и сунула скрипку под подбородок, Сэм сел, приготовившись слушать, и стал с нетерпением ждать, когда же она поднимет смычок.

Новости распространились по дворцу молниеносно, словно лесной пожар. К половине восьмого их услышал даже Фред, который обмахивал пыль с розовых кустов во внутреннем дворе: концерт пришлось отменить. Последний из гракльхаундов заболел.

— Как это заболел? Что с ним? — Фред уронил метелочку из перьев и помчался за лакеем, который принес эту новость.

— Неизвестно, — ответил лакей через плечо. — Но дело серьезное. Слышал бы ты, как он взвыл, когда начали играть! Ничего подобного с ним никогда не бывало. Послали за стариком Хендерсоном.

— Ни-че-го себе! — медленно проговорил Фред. Даже ему было известно, что для того, чтобы стать пациентом доктора Хендерсона, нужно быть очень богатым и знатным.

Еще никогда император не посылал за своим личным врачом так поздно. Доктор ворвался во дворец прямо в шелковой пижаме, готовый спасти венценосную жизнь.

— Не бойтесь, я уже здесь! — воскликнул он, влетая в концертный зал. — Где больной?

— Вот он! — Лорд Ястреб показал на Чумазика, который пытался содрать с себя пурпурную ленту.

— Это больной? — Доктор Хендерсон уставился на лорда Ястреба. — Вы позвали меня, чтобы лечить собаку?!

Чумазик вскинул голову:

«Дошло до жирафа!»

— Лечить собаку императора, — поднял брови лорд Ястреб. — Лечить последнего из гракльхундов. Естественно.

Доктор Хендерсон сглотнул:

— Естественно. Что ж, посмотрим, что тут можно сделать.

— Естественно, — сказал император.

Доктор Хендерсон взял Чумазика за переднюю лапу и сверился с наручными часами.

Пес зарычал: *«Эй, поосторожней!»*

— О Небо, — сказал доктор, — эта собака и вправду очень больна! — Он выпустил лапу. — Скажите: «А-а!» — строго велел он псу.

«Да кем он меня считает — еще указания мне давать?!» — Чумазик прижал уши и гавкнул.

Доктор Хендерсон покачал головой и принял серьезный вид.

— Благодарите Бога, что позвали меня вовремя. Еще час — или даже еще десять минут... — Он снова покачал головой. — Могло оказаться слишком поздно. Так или иначе, небольшой укольчик в таких случаях просто чудеса творит. Подержите больного! — велел он лорду Ястребу.

— Подержите больного! — остроумно приказал лорд Ястреб Карлу.

«Посмотрим, кто кого!»

— Вот видите? — мгновение спустя просипел, задыхаясь, император, вскочивший с ногами на скамью. — Мой гракльхаунд болен. Он ведет себя так, словно мы — гракли. Сделайте что-нибудь, чтобы спасти его.

Доктор Хендерсон почувствовал, что с него довольно.

— Эта болезнь настолько тяжелая, что мне с ней не справиться, ваше величество. Полагаю,

вам следует обратиться к моему коллеге доктору... — И он назвал своего самого лютого соперника и распрощался.

Лимузин унесся прочь, чтобы доставить доктора домой. И вернулся сначала с лютым соперником, а потом одного за другим привозил лучших столичных врачей.

Безрезультатно.

Императорский гракльхаунд занемог, и не нашлось ни одного врача, способного ему помочь.

— Ну вот! — Анна положила смычок. — Неплохо получилось, правда? — Она повернулась от пюпитра и заморгала. — Чумазик! Чумазик, где ты?

Сэм осторожно выполз из-под диванчика.

Он и не знал, что скрипка может так звучать.

Он не знал, что так может звучать вообще хоть что-то, кроме, пожалуй, умирающего пылесоса.

— И ни разу не завыл! Хороший пес! — с обожанием добавила Анна, обняла песика обеими руками и крепко прижала к себе.

«Я не мог выть. Я был в шоке».

— Может быть, у него в конце концов обнаружатся музыкальные способности, — заметил Грегори, которого рассказ дочери изрядно удивил. — В конце концов, собака императора любит Бетховена — мне Грубер говорил.

«Бетховена? Помилуйте! Я — горячий поклонник Моцарта!»

Грегори зевнул и шагнул к полке в углу.

— Только я сомневаюсь, чтобы у собаки императора было столько блох, сколько у этого пса. — Он протянул дочери ржавую жестянку. — Посыпка его порошком от блох, Анна. Грубер весь вечер чесался — и утверждает, что это он на той неделе погладил Чумазика.

Анна взяла жестянку с порошком.

— Хорошо, только глупости все это, — надулась она. — У Чумазика нет никаких блох. Правда, моя лапочка? — нежно сказала она, открывая жестянку.

«Блохи? — Сэм склонил голову к плечу. — А что это такое?»

Пуфф! Комната скрылась в облаке порошка от блох.

— Я попросил посыпать его, а не задушить, — просипел Грегори, вытирая глаза.

— Береженого Бог бережет, — твердо ответила Анна. — Все, Чумазик, больше у господина Грубера не будет шансов сказать, будто у тебя блохи. — И она еще раз перевернула жестянку вверх дном.

«Потому что я умру», — успел подумать Сэм в долю секунды, которая осталась до того, как он начал чихать.

Когда Карл вывел Чумазика во внутренний двор, часы пробили полночь.

«Ну наконец-то! А я уже думал, что вот-вот лопну!»

Во дворе был Фред — он выкладывал из камешков под розами новый узор. В прошлом месяце камешки лежали шашечками. В этом нужно

было сделать круги. Потом будут полосы, потом волны, потом зигзаги, потом горошки. Потом опять шашечки.

Кто-то что-то сказал про бесцельное время-препровождение?

Фред со вздохом полез в карман и достал шоколадку.

— И не скули тут, — буркнул он Чумазику, снимая обертку. — Из-за тебя я чуть со службы не вылетел, представь себе! Больше не буду с тобой играть!

«Выпусти меня отсюда!» — Чумазик сел под воротами и принялся выть.

— Ну ладно, ладно, шучу, ваше собачество! — раскаялся Фред. — Что с тобой, а? По-моему, ты вовсе не болеешь. Просто грустишь. — Он положил шоколадку на голову каменному ангелочку и почесал псу брюхо.

Чумазик перестал выть и принюхался.

«Шоколад?»

Вид у него был такой, как будто он чего-то хочет... Фред взял шоколадку и откусил кусок.

Чумазик подбежал к Фреду, поднял в воздух обе передние лапы и испустил длинный затейливый вой.

«Можно подумать, он клянчит шоколадку, — с усмешкой подумал Фред. — Как будто императорской собаке приходится что-то клянчить!»

«Что нужно делать собаке, чтобы получить тут еды? Крутить сальто? Плясать польку?»

Что ж, если выклянчить не получается, есть и другие способы.

— Эй! — оторопел Фред. — Отдай шоколадку! Это был мой ужин, знаешь ли!

«И очень даже вкусный ужин! — Чумазик повилял хвостом и лизнул Фреду руку. — Не обижайся!»

Фред не поверил своим глазам:

— Что с тобой? Ты так раньше никогда не делал! Какая муха тебя укусила?

«Хочу домой». Чумазик помчался обратно к воротам и принялся их грызть.

— Я не могу тебя выпустить, — в отчаянии воскликнул Фред. — Ключи есть только у часового. Но твой мячик я найду при первом же случае, договорились?

«Какой мячик? Неужели похоже, будто я в настроении играть?»

— Совсеб свихнулся, — сообщил Карл, стоявший у дворцовых дверей. — Сидит пялится, бор-

бочет. С кем теперь будешь говорить — с червякаби? Приведи его сюда, ладно? Басиба.

Он унес песика во дворец. Чумазик извивался и выкручивался.

— Может быть, полнолуние? — предположил Грегори, примостившийся на верхней ступеньке. — На собак действует.

«Я не прошу, я требую — нет, я решительно приказываю, откройте эту дверь!» — пролаял Сэм.

— Никогда таким не был. — Анна сидела на нижней ступеньке, облаченная в старую заплятанную отцовскую рубашку, служившую ей ночной сорочкой. Волосы спереди она наvertела на бумажки — а вдруг получится сделать завивку? Сзади волосы, как всегда, висели прямо. — Не захотел лезть ко мне в кровать.

«Я же объяснял, гракльхаунды так не делают!»

— Не приходит, когда я его зову.

«Я категорически отказываюсь отзываться на такую кличку!»

— Наверное, заболел. Может, я высыпала на него слишком много порошка от блох? — Анна говорила сердито, как всегда, когда ее что-то тревожило.

«Чем меньше об этом говорить, тем лучше. Я подумываю подать судебный иск».

— Да ладно тебе! — Грегори легонько пнул ее в спину босой ногой. — Разве больная собака станет маршировать туда-сюда, как на параде, и гавкать? Не знаю, что с ним, но он здоров, это точно. Может, ему нужно прогуляться?

«Да! Да! Откройте дверь!»

Анна испуганно обернулась:

— Нельзя его выпускать! А если он не вернется?

— Хорошо, — вздохнул отец. — Найди мне его ошейник и ту веревку, которая у него вместо поводка, и я его выведу. Вот увидишь, он сразу успокоится. А там, глядишь, человеку и поспать дадут.

Чумазик лежал на мраморном полу у дверей императорских покоев. Он скучал по Анне.

Пол был жесткий и холодный. Когда-то тут была подушка, но Чумазик уже несколько часов назад изгрыз ее, а набивку разбросал по всему залу.

Он очень скучал по Анне.

Он сунул было нос в будку, но внутрь не полез бы ни за что на свете. Там пахло темнотой и несвободой. Он попытался найти выход из дворца, но куда бы он ни пошел, везде натыкался на дверь, такую массивную, что носом не открыть.

Он ужасно скучал по Анне.

Он скучал даже по Тому и Арнольду. Сейчас бы ему здорово пригодилась чуточка этого их «один за всех и все за одного». Чумазик прижался носом к щели под ближайшей дверью и заскулил.

Никто не пришел.

Может быть, удастся прорыть в мраморном полу потайной ход?

Проверить это можно было лишь одним способом.

Полчаса спустя император поднял подушку с головы. Он надел парчовый халат и отороченные мехом шлепанцы и отворил дверь.

«Наконец-то!»

Чумазик метнулся мимо него в комнату, вскочил на кровать, трижды покрутился и лег. Заснул он мгновенно.

Целую минуту император от ошеломления не мог произнести ни слова. Затем он кашлянул.

— Это неправильно, — твердо сказал он, придерживая дверь, чтобы не закрылась. — Будь любезен немедленно выйти.

Чумазик захрапел.

Для пса, привыкшего к дворцу, боковые улочки столицы ночью — это другой мир.

Звуки были другие. Никакого журчания фонтанов — только скрип гостиничной вывески на ветру, хлопанье дверей вдали да вороватые шорохи так близко, что становилось не по себе.

Сэм принюхался. Запах тоже был другой. Песику подумалось, что в этой части города роз не выращивают. Вместо них, судя по всему, выращивают апельсиновые корки, пустые банки из-под пива, старые газеты и — Сэм повел носом в сторону остатков гамбургера в сточной канаве — отвратительные салные объедки, воняющие луком.

— Ну давай, — зевнув, сказал Грегори. — Мне-то что. Твой желудок, не мой. Хочешь — ешь. Тебе и похуже доставалось.

«Похуже? Вы хотите сказать, что бывает еще хуже?!»

Из темноты выскользнул кот.

«Не забывай, все поровну. — И он прижал огрызок мяса тяжелой лапой. — Арнольд спит, так что делить нужно на двоих. Идет?»

«Прошу прощения, мы разве знакомы? И кто такой Арнольд?»

Кот ответил не сразу, но после того, как исчезла ровно половина мяса, он облизнул усы.

«Все шутки шутишь? Остальное твое. Ах да — за мусорным бачком Грубера лежит половина сосиски. Я оставил ее тебе. Один за всех и все за одного. До встречи». Кот вскарабкался на ограду, махнул хвостом и был таков.

— Пойдем! — Грегори подергал за веревку. — Не могу же я торчать тут всю ночь! Я устал! Шагом марш!

Ну наконец-то он говорит понятные для собаки вещи! Вздернув нос, подняв хвост и крутя головой, императорский гракльхаунд зашагал в ночную мглу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Император, глаза у которого запали от бессонницы, а все тело ломило после ночи, проведенной на полу, поднялся и сразу направился в библиотеку. Там было семнадцать тысяч триста пятьдесят шесть книг, и казалось весьма вероятным, что в одной из них найдется несколько слов об уходе за больным гракльхаундом.

Беда в том, что ничего подобного в библиотеке не нашлось.

Там не было ни слова о гракльхаундах. И о граклях.

Лорд Ястреб подавил зевок:

— Не печальтесь, ваше величество. Если гракльхаунд умрет, Гильдия пришлет вам новый талисман.

— Умрет? — встревоженно переспросил император. — Вы думаете, Ястреб, он может умереть?

— Может. Но это не важно.

Императора вдруг осенило, что больше всего на свете ему хочется огреть своего советника по голове большим глобусом, стоявшим в библиотеке на столе.

— Как это «не важно»?

— Существуют и другие экзотические животные. Слизистый монгольский болотный ящер, например. Мне стало случайно известно, что Гильдия присматривает дом для нескольких прекрасных экземпляров этого вида. Доверьте это дело мне, и один из них будет доставлен сюда в течение часа.

— Я не хочу болотного ящера! — вскричал император. — Я хочу моего гракльхаунда, такого, каким он был! — Он глубоко вздохнул и разжал пальцы на подставке глобуса. — Неужели вы не помните славные времена охоты на граклей, Ястреб? Наверняка есть какое-нибудь средство! Особая диета? Тонизирующее лекарство? Психиатр? Думайте, Ястреб, думайте!

Во взгляде, который император при этих словах бросил на глобус, было нечто такое, отчего лорд Ястреб немедленно начал думать — и быстро, и старательно.

— Ваше величество, есть один мальчик, — сказал он наконец, — тот, который принес гракльхаунда во дворец вечером в день вашего рождения. Этот мальчик работает в саду. Он утверждает, будто много узнал о гракльхаундах от бабушки. Я бы, пожалуй, мог за ним послать...

— Немедленно! — вскричал император. — Немедленно пошлите и за мальчиком, и за гракль-хаундом!

Между тем во внутреннем дворе Карл и Фред, пристроившись на бортике фонтана, наблюдали, как Чумазик пытается разрыть каменную мостовую у ворот на улицу.

— Не понимаю, что это на него нашло, — сказал Карл в седьмой раз.

— И я не понимаю, что это на него нашло, — хмуро отозвался Фред.

— Ты же знаешь, как он любит утреннюю ванну. И тут — здарсьте пожалуйста! — он ее разлюбил! Утром мы втроем еле в воду его зачихнули! А визгу было! А потом он стал воротить нос от любимого завтрака!

— Жуть, — огорченно покачал головой Фред. — Собаки так не поступают. Если уж они что-то любят, так любят. Они никогда не передумывают, как люди.

— А этот передумал, — отметил Карл. — Он пересмотрел свои взгляды на еду, на купание и концерты — и все это со вчерашнего дня. И еще он все перезабыл: знаешь, что он только что сделал? Пытался выйти через дверцу шкафа со столовым бельем! Мне пришлось показать ему дорогу в его собственный сад!

Фред надул губы, издав беззвучный свист.

— Мрак!

— Как будто первый раз во дворце!

— Как будто это другой пес!

— Ага! — кивнул Карл. — Точно. С тех пор как ты привел его вчера назад, он как будто другой пес.

У Фреда появилось странное чувство — словно его шарахнули по голове крикетной клюшкой. Он дернулся и схватился за лоб.

— Ой, мама! — прошептал он, когда истина снизошла на него в ослепительной вспышке. — Так оно и есть! Другой пес! Я принес домой не того!

— Эй, ты! — прогремел голос от дворцовых дверей.

Карл с Фредом отпрыгнули в разные стороны, словно между ними угодило пушечное ядро.

— Да, ты! — Лорд Ястреб наградил Фреда взглядом, от которого трескалась земля. — Оботри грязь с башмаков, сними гусеницу с волос, возьми гракльхаунда и иди за мной. Тебя зовет император.

Сэм сидел в крошечном садике за Анниным домом и ждал. Опыт ему подсказывал, что, если ждать достаточно долго, рано или поздно кто-нибудь тебя накормит. Или выкупает... Или выведет на парад. Или еще что-нибудь.

Он зевнул и уложил нос на лапы. Если закрыть глаза, будет почти как дома, в будке.

А может быть, он и на самом деле дома, в будке? Может быть, ему приснился страшный сон, потому что не следовало есть так много паштета?

Правда, Сэму не казалось, будто он переел, скорее наоборот, — но со снами никогда нельзя сказать наверняка.

Он осторожно приоткрыл глаз и снова закрыл его. Поскорее.

Если это сон, то он ему по-прежнему снится. И чем дальше, тем кошмарнее. Иначе почему Сэм внезапно оказался глаза в глаза с самой жирной птицей, какую только ему приходилось видеть? Он снова приоткрыл глаз и держал его открытым ровно столько, чтобы разглядеть, что потрепанная фигура за птицей — это вчерашний кот.

При дневном свете он выглядел даже хуже.

Сэм выпрямился и постарался выглядеть как собака, ссориться с которой себе дороже.

«Ты прав, — сказала птица. — Это не Чумазик».

«Очевидно. Чумазик бы выбрался через щель за мусорными бачками. — Кот дернул хвостом. — Интересно, что с ним случилось? У меня на сегодня были планы. Он нам нужен. — Он задумчиво поглядел на Сэма. — Или кто-то вроде него».

«Таких, как Чумазик, больше нет», — заметил голубь.

«Положим. Но ему не обязательно быть гением. Подойдет и безмозглая собака. Попробуем. — Кот издал леденящее кровь рычание. — Эй, ты! Хочешь всю жизнь здесь торчать?»

Не успел Сэм изложить свой ответ и до половины, как кот перебил его:

«Тогда мы тебя выведем. А тебе придется за это оказать нам одну маленькую услугу».

«Все, что угодно! — горячо прогавкал Сэм. — Все, что пожелаете!»

За ужином Карл протиснулся на соседний с Фредом стул.

— А я думал, ты уже в тюрьме! Что слу...

— Не спрашивай. — Глаза у Фреда, обычно веселые, остекленели, как у человека, который провел восемь часов, сочиняя, как бы объяснить, почему прекрасно воспитанный гракльхаунд, который знает дворец как свои четыре лапы, вдруг начал вести себя так, словно никогда в жизни там не был. — Я хочу обо всем забыть. — Он потер шею и испустил тяжкий вздох.

Карл съел полбутерброда в сочувственном молчании.

— Значит, ты был прав? Это действительно другой...

— Да. — Пережевывая корку, Фред задумчиво глядел в пространство. — Он укусил немецкого посла. Мне пришлось сказать императору, будто у него лосьон после бритья был сделан на граклевом масле.

— Что? — в ужасе переспросил Карл.

— Больше ничего не придумалось. Только у посла бородачи лопатой. Поэтому пришлось сказать, что я имел в виду лосьон до бритья. Император спросил у посла об этом через переводчика. — Фред продолжал бесстрастно жевать.

— И что?

— Посол решил, будто император хочет, чтобы он сбрил бороду. Кажется, ему это не понравилось. — Фред отодвинул тарелку. — Но что было дальше, я пропустил, так как пса со страшной силой стошнило на ботинки Ястребиного Глаза. Я тут ни при чем! — с чувством воскликнул Фред. — Нечего было во время банкета оттаскивать пса от тарелок! Пес выразил протест! Я ничего не мог поделаться! А теперь Ястребиный Глаз говорит, что еще одна ошибка — и он вышвырнет меня на улицу! Это нечестно!

Карл почесал правое плечо, потом левое. Потом рассеянно почесал правое плечо еще раз.

— Сдается мне, ты влип. Если в городе обнаружат еще одного пса — вылитый портрет этого, — сразу станет понятно, что этот точно не последний из гракльхаундов. Слушай, у меня нет сыпи? Весь чешусь.

— А, забыл сказать. — Фред зловеще хохотнул. — Нет у тебя сыпи. Я тоже весь чешусь, и еще куча народу тоже. Все, кто оказался неподалеку от пса, если хочешь знать. Завтра будет чесаться весь наш проклятый Двор.

Карл уставился на него, вытаращив глаза.

— Ты хочешь сказать...

— Быстро соображаешь. — Фред поднялся. — Надо поменять собак обратно, и как можно скорее, пока наш Двор не обнаружил, что... — Он сглотнул и решительно продолжил: — ...что я наградил всех блохами.

Далеко-далеко от дворца, в темном вонючем туннеле, свернулся Сэм. В свете последних событий он был рад там оказаться.

Дело могло повернуться хуже, гораздо хуже.

«Восхитительно! — донесся из мрака кислый голос кота. — Подлинный триумф. Непременно напомни мне, чтобы я снова попросил тебя постоять в дозоре! Мне так хочется, чтобы в следующий раз меня сожрал заживо бульдог, а остатки швырнули в сточную канаву».

«А я мечтаю о том, чтобы в следующий раз маньяк с дробовиком отстрелил мне хвост! Товарищ», — добавил суровый голос справа.

Сэм и не ожидал, что голуби могут быть такими ироничными.

«Предполагалось, что ты будешь на нашей стороне, — или я забыл об этом упомянуть? — Кот зарычал. — На будущее запомни, что, если меня преследует разъяренная толпа, кричащая: „Держи вора!“ — лучше не выскакивать из-за мусорного бачка и не сбивать меня с ног. Хорошо?»

«Я же не знал, что они гонятся именно за вами! — с чувством ответил Сэм. — Вы мне сказали, что должны встретиться с одним человеком по поводу одной кошки. Никто не упоминал о том, что по пути мы сделаем остановку, чтобы ограбить рыбную лавку. Если бы я знал, что вы замышляете противозаконное дело, я бы не стал вам помогать».

«Ты нам и не помог».

«В этом-то и дело», — сказал Арнольд.

«Приходило ли тебе в голову, товарищ, что, если бы нас с Арнольдом не оказалось поблизости, от тебя осталось бы мокрое место на мостовой перед рыбной лавкой? Что было бы большим огорчением для Анны».

«И для нас», — сурово добавил Арнольд.

«И для нас. — Кот сам не ожидал, что скажет такое. — Одному Небу известно, в чем дело, но мне бы тебя не хватало. Так что в следующий раз будь поосторожнее».

Как это — в следующий раз? Сердце у Сэма екнуло, но он сел, как статуя, напряжинив все мышцы от внимания.

«Когда? Сейчас? Мы попробуем еще раз прямо сегодня?»

«Не вижу причин откладывать, товарищ», — милосердно ответил кот.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К утру даже Фред был готов признать, что решение проблемы гракльхаунда оказалось необыкновенно трудным. А судя по списку заданий на день, который лежал перед ним, драгоценных секунд на обдумывание этой проблемы у него будет совсем мало.

— Какие все-таки глупости, — ворчал он себе под нос, принимаясь снимать паутину с роз. — Кому мешают несколько паутинок? Они, между прочим, красивые, да! Им здесь самое место. Только поглядите на эту! Она... она... да это просто чудо, вот что! А мне велено все испортить! Прости, приятель, — печально сказал он паучку, ринувшемуся в укрытие. — Приказ главного садовника.

А что, если узнают, что он привел не ту собаку? Ясное дело. Уволят.

— Но при теперешнем положении дел Ястребиный Глаз и так меня уволит, — пожаловался он проползавшему мимо жучку. — Одна малюсенькая

оплошность — и все! Одна-единственная! — Лицо у жучка было располагающее, так что Фред продолжил: — С другой стороны, что такого хорошего в этой работе? Два года я тут, а позволяют мне только полоть да окучивать! Это не совпадает с моими представлениями о садоводстве!

Дворцовые двери распахнулись.

— Эй, ты! — рявкнул знакомый голос. — Иди сюда! Одному Небу известно, в чем дело, но император требует твоего присутствия. И помни, мальчишка... — Жучок в панике спрятался под опавший розовый лепесток. — Помни, что следующая ошибка станет для тебя последней!

— Да, сударь, простите, сударь! — Фред поднялся на ноги.

Император беспокожно мерил шагами гостиную. Ночь он провел ужасно. В половине третьего он попытался выманить пса из постели, выложив по полу цепочку шоколадных конфет. Конфеты пес съел, и это отлично, а потом запрыгнул обратно на кровать, и это плохо.

А в четыре псу стало нехорошо, и он испачкал все постельное белье.

— Гракльхаунд по-прежнему болен, — сказал император Фреду. Он был бледен и встревожен. — Мне необходимо выяснить, что с ним случилось. А помочь мне можете только вы.

Лорд Ястреб содрогнулся с головы до пят:

— Вчера у мальчика были все шансы вам помочь, ваше величество. Он потерпел неудачу. Иного ожидать не приходилось: если называть вещи

своими именами — мальчик скудоумен. Кстати, насколько я понимаю, болотные ящеры еще остались. Прикажете проинформировать Гильдию, что вас это интересует?

— Нет! — сверкнул глазами император. — Я не хочу никакого болотного ящера! И никогда не хотел никакого болотного ящера! Я хочу моего гракльхаунда и хочу, чтобы он был счастлив! А поскольку ни от кого здесь нет ни малейшего проку — в том числе и от вас, Ястреб, да-да! — я пошлю за специалистом!

— За главным собаководом? — фыркнул лорд Ястреб.

— Вовсе не за главным собаководом! — Фред подпрыгнул, когда император положил ладонь ему на плечо. — Я пошлю за женщиной, которая научила этого мальчика всему, что он знает о гракльхаундах, — за его бабушкой!

— Нет! — в отчаянии закричал Фред. — Не надо! Она... она очень старенькая, такое путешествие ей не по силам!

— Я пошлю автомобиль, — ответил император, — а сопровождать ее будет доктор Хендерсон. Где она живет?

— В нескольких сотнях миль отсюда! И от нее не будет никакой пользы! Она... она забывчива. И плохо говорит, потому что потеряла зубы... на охоте! И она очень черствая! — дико закричал Фред, пытаясь найти причину из причин. — Я хочу сказать — мертвая! Да, конечно, она умерла прошлым летом. Никак не мог вспомнить, что с ней не так, — закончил он уже спокойнее.

Император побелел:

— Умерла?

— Почему же ты сразу не сказал, дурень?! — рывкнул лорд Ястреб. — К чему было морочить нам голову ее забывчивостью? Еще бы она была не забывчива, если уже умерла! Это так понятно. Перестань тратить драгоценное время императора.

— Тс-с! — Император предостерегающе поднял руку. — Тише, Ястреб. Я придумал. Гракли!

Лорд Ястреб и Фред ошеломленно уставились на него.

— Вы меня не поняли? Мы прикажем привезти сюда несколько граклей!

Фред издал звук, который обычно получается, если человека пнут в живот.

— Самый верный способ подбодрить чахнувшего гракльхаунда — это охота на граклей! — победно продолжал император. — Ястреб, это превосходная мысль! Даже странно, что вы сами об этом не подумали: ведь вы такой умный!

Это было слишком. За последние пятнадцать минут на лорда Ястреба кричали и шикали больше, чем за всю его жизнь. А теперь уже и император, который всегда был мягким воском в его руках, по какой-то случайности решил проблему гракльхаунда прежде самого Ястреба!

Это было не просто слишком. Это была последняя капля.

— По правде говоря, — свирепо ответил лорд Ястреб, — я действительно подумал об этом. Нынче утром. За завтраком. И я взял на себя смелость послать за граклями во все концы. Если

вы позволите, я пойду посмотрю, нет ли каких-нибудь донесений от моего адъютанта.

— Ааагххх?!?! — сказал Фред. — Оооогхх?!?!?

— Держи его при себе и не отпускай ни на минуту, — предупредил Грегори, застегивая сумку. — Я не хочу, чтобы повторилась вчерашняя сцена, когда к нашим дверям сбежалось полгорода жаловаться на твою кошмарную псину.

Сэм благоразумно уполз под диванчик.

— Это *наша* кошмарная псина, — напомнила ему Анна. — Он такой же твой, как и мой.

— Нет уж, с меня хватит, — с чувством сказал ее отец. — Это же надо — стянуть лосося! Самую дорогую рыбу! И два фунта вырезки по шесть с полтиной за фунт! Анна, это мой заработок за день! А потом он имеет наглость примаршировать домой так, словно страшно горд собой! А с первого взгляда кажется, что мозгов у него больше.

— Но придумано-то было хорошо. — Аннина нога протянулась под диван и успокаивающе почесала Сэма по грудке. — Много ли собак додумается пролезть контрабандой в лучший продовольственный магазин в городе, спрятавшись в чьей-то корзине для покупок? И к тому же сообразит украсть самое лучшее? Он же лосося ни разу в жизни даже не видел, не то что не пробовал! А мясо он ест, только когда тетушка Ханна дает ему обрезки! Так что он показал себя умницей, правда? Ну конечно, он повел себя очень плохо, — добавила Анна, поймав отцовский взгляд. — И он никогда-никогда больше так не будет.

«Конечно, — подумал Сэм. — Никогда. За исключением тех случаев, когда я буду помогать друзьям или держать обещание, я совершенно определенно почти никогда больше не буду ничего красть».

— Хорошо бы, — мрачно сказал Грегори, надевая сумку через плечо. — И еще: если я, вернувшись домой, увижу хотя бы усик этого кота или перышко этого гнусного голубя, то за свои действия я не отвечаю.

Когда дверь захлопнулась, из-за буфета с достоинством вышел кот. Через несколько секунд раздался громкий шлепок — это на подоконник приземлился упитанный голубь.

— Вы слышали? — строго спросила Анна. — Все трое слышали? Смотрите, лучше ведите себя сегодня прилично, а не то пеняйте на себя! А ты, Чумазик...

Ее ноги протянулись под диван и почесали самое правильное место на грудке Сэма. Сэм собрался было дернуть хвостом, но хвост вместо этого почему-то вильнул.

Сэм удивленно поглядел на него.

— А ты, кошмарная псина, запомни: я с тебя глаз не спущу!

Когда Сэм посмотрел на нее, это произошло снова: хвост вильнул — сам по себе. *«А хотите небольшое пари?»* — подумал песик.

— Гракли? — заморгал адъютант. Втайне он подумал, что у лорда Ястреба ум зашел за разум, но говорить этого не стоило. — Вы хотите шес-

терых взрослых граклей? Сюда? К завтрашнему дню? А где мне их взять, сударь? — И что это за дребедень такая, позвольте узнать, едва не добавил он.

— Думайте сами, — рявкнул лорд Ястреб. — Берите самолет, автомобиль, отряд мотоциклистов, если понадобится, но отправляйтесь прямо сейчас и без граклей не возвращайтесь!

— А у вас чего-нибудь вроде картинки не найдется? — умоляюще взглянул на него адъютант. — То есть, честно говоря, сударь, в граклях я не силен. Тысячу лет ни одного не видел. То есть живьем. Может, напомните, какие они, а?

Лорд Ястреб не был готов напоминать. Он так и объяснил — на полной громкости и на протяжении нескольких минут.

— Убирайтесь немедленно, — яростно закончил он, — и пусть гракли будут у меня завтра же утром!

Адъютант снова начал его слушать.

— Конечно, сударь. Вылетаю прямо сейчас.

Едва Фред перевел дух, как тут же сделал самый разумный в его положении шаг: сообщил императору, что с охотой на граклей ничего не получится, потому что гракли вымерли.

— Ничего подобного, — уверенно возразил император.

— Честное слово, вымерли, ваше величество! Мне бабушка написала! Последний гракль попал под... ну, этот... паровой каток прямо перед ее домом! Она все видела!

— Но вы же сказали, что она умерла? — Голос императора звучал не столько подозрительно, сколько озадаченно.

— Умерла! Потрясение ее убило! Она написала мне письмо, рассказала, что случилось, запечатала его, опустила в ящик и... — Тут воображение Фреда отказало, и он горестно покачал головой и уставился на свои ноги.

— Вы ведь, кажется, говорили, что она погибла на охоте? — Судя по виду императора, по десятибалльной шкале его ошеломление можно было бы оценить в девятку с хвостиком. Фред и сам чувствовал себя так же. — Неужели вы хотите

сказать, что на граклей охотятся с паровыми катками?!

На это, судя по всему, был только один ответ.

— Да, — сказал Фред. И, не дав императору возможности выяснить все детали, продолжал: — Так что лорд Ястреб ищет граклей напрасно, ваше величество. Их не осталось.

— Чушь! — твердо сказал император. — Ваша бабушка умерла прошлым летом, а лорд Ястреб еще вчера говорил мне, что месяц назад, гуляя в Альпах, видел там двух граклей. Редкие — вероятно, но отнюдь не вымершие. И как бы они ни были редки, Ястреб их разыщет. Если он не может найти какое-то животное, значит, этого животного не существует.

«Что да, то да», — подумал Фред, стараясь не впадать в панику.

— Но... но ведь если начать охотиться на редких животных, они вымрут! — закричал он. — Может быть, эти шесть граклей — последние на планете! Нельзя приносить их в жертву ради того, чтобы развеселить одного гракльхаунда!

Императору не приходило в голову взглянуть на ситуацию с этой точки зрения. Лицо его затуманилось.

— Нельзя? А если принести в жертву трех граклей? Или двух? — Он умоляюще взглянул на Фреда. — Ах, неужели мне нельзя дать ему поохотиться хотя бы на одного?

— Нет, — сурово ответил Фред. — Это было бы неправильно. Гракль тоже хочет жить и имеет на это право. И пусть у него большие зубы...

— Громадные клыки!

— И смертоносный рог, но...

— И кровожадные когти. Не забывайте о них.

— Послушайте! — воскликнул Фред, начиная кипятиться. — Может быть, у граклей и рог, и когти, и все прочее, но не такие уж они плохие! У них, во-первых, очень милый семейный уклад, и потом — они... они *плачут*, когда им страшно. Они хотят, чтобы их оставили в покое. Они никого не просят гнаться за ними, рыча от жажды крови и бряцая оружием. Если хотите знать, такой участи заслуживают люди вроде лорда Ястреба!

Эти слова прозвучали в ушах императора сладкой музыкой.

— Да! — воскликнул он, вскакивая на ноги. — Вы правы! — Он схватил Фреда за плечи так, словно собирался расцеловать его в обе щеки, когда его посетила менее приятная мысль: — Но что же мне делать с моим гракльхаундом? Если охотиться на граклей нельзя, как же нам не дать зачахнуть бедному животному?

— Есть много способов, — со страстью ответил Фред. — Ваше величество, перестаньте думать о нем как о гракльхаунде и считайте его собакой. Не думайте о том, как охотятся на граклей, — думайте о том, как гладят собак!

— Гладят? — заморгал император.

— Да! — закричал Фред. — Думайте о том, как ерошат им шерсть! Как им чешут загривок! Как им щекочут пузичко и треплют спинку! Пусть он носит вам палку! Поиграйте с ним в мяч...

Поток иссяк, словно кто-то закрыл кран.

Мяч! Ведь с него начался весь этот кризис! Даже если император отменит охоту на граклей, Фреду все равно предстоит решить трудную задачу.

Или, скорее, две задачи: Сэм и его брат-близнец, который в данный момент разлегся под тронном, устав от всего этого так, что даже лаять не мог, и пристроив нос на лапы.

Ну как же теперь все это распутать, пока весь мир не набросился на Фреда за то, что случилось?

Император вытащил небольшую записную книжку в кожаном переплете и золотую авторучку.

— Гладить, — бормотал он хмурясь. — Ершить и... как же это? Щекотать? — Перо замерло, и он поднял глаза. — Нужны ли для этого специальные перчатки? Вы уверены? А как же риск заражения? Что ж, как скажете... А есть ли еще что-нибудь такое, что нравится собакам и что мне следует применить?

И тут Фреда настигло озарение такой силы, что дух захватило.

— Прогулка! — прошептал он.

Как же он раньше не подумал? Это же так просто! Берешь не того пса на прогулку, удираешь в город и приводишь Сэма домой, пока больше ничего не произошло. А если повезет — весьма, по мнению Фреда, запоздало, — то как только Сэм окажется дома и будет вести себя по-прежнему, император успокоится, и всей этой чуши насчет охоты на граклей и срочной доставки чьих-то бабушек придет конец. Все, что нужно, — это уговорить императора позволить ему вывести пса погулять.

— Взять его на прогулку? Пешком?! — испуганно спросил император. — Может быть, лучше прокатиться в моем автомобиле? Сэм это любит. — Император это тоже любил, особенно когда Сэм выставлял голову в окно и жмурился.

Фред не мог больше позволить себе тратить время на слова.

— Ваше величество, поездки на автомобиле не годятся. Честное слово, пешком Сэму понравится гораздо больше. Если хотите, я прямо сейчас с ним пойду. Эй, приятель!

Фред щелкнул пальцами. Чумазик поднял голову, узнал Фреда и подошел, чтобы ему почесали макушку.

— Пойдите! — Император понимал, что ему должно быть приятно видеть, как его гракльхаунд проявляет интерес к жизни, но почему-то приятно ему не было. Ему было жаль, что это не он придумал щелкнуть пальцами. — Вы и вправду полагаете, что прогулка будет ему полезна?

Фред кивнул.

— Не сомневаюсь! — сказал он, так и пританцовывая от желания поскорей уйти.

Император расправил плечи.

— Значит, он будет выгулян. Будьте добры, проводите меня во внутренний двор. Я сам с ним погуляю.

Когда Фред закрыл ворота за императором и псом, он был еще в состоянии легкого шока.

— Я же пытался их не пустить, — поведал он дрозду, слетевшему к фонтану попить. — Я сказал,

что нужно сообщить Ястребиному Глазу, но его величество не пожелали. Ничего себе — я должен мешать императору делать то, что он хочет!

Дрозд пискнул и взлетел на ограду.

— Ты прав. Если с ним что-то случится, меня ждет будущее как у граклей, — подытожил Фред. — И не спрашивай, что с ним может случиться на коротенькой прогулке. Речь, приятель, идет об императоре.

Дрозд склонил головку, надул грудку и завел песенку.

— И снова ты прав, — мрачно заметил Фред. — Может случиться все, что угодно. Интересно, он уже возвращается? Открою-ка я ворота да погляжу.

Полчаса спустя он все еще глядел. Когда из внутреннего двора послышался голос Карла, Фреда чуть удар не хватил.

— Эй, Фред! Императора не видел? Его начальнику надо что-то подписать, а где он, никто не знает. Он там не с тобой случайно?

Фред помотал головой.

— Да я и не думал, — весело ответил Карл. — Понятия не имею, чего это старой курице в голову взбрело — велел спросить именно у тебя. Пока!

Удаляясь по коридору, Карл думал о том, что его друг выглядел встревоженным. Правда, ничего удивительного, если он слышал про адъютанта и граблей. Выпутаться из этого будет трудновато даже Фреду.

Однако на сей раз Карл ошибался. Когда Фред выскочил из-за ворот на улицу, грабли занимали его в последнюю очередь.

Пятнадцатиминутная императорская прогулка продолжалась уже полчаса. Но ведь он уже наверняка, наверняка возвращается?

Фред взгляделся направо. Фред взгляделся налево. Он взгляделся вверх, в облака, и вниз, в водосточную канаву. Но куда бы он ни глядел, результат был один и тот же.

Ни следа — ни императора, ни пса.

Город их поглотил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Фред захлопнул ворота и помчался по улице. Заметив женщину, которая оттирала порог своего дома, он со скрежетом затормозил.

— Не видели мужчину с собакой? — пропыхтел он. — Прошли тут минут пятнадцать назад?

Женщина перестала тереть и сердито поглядела на него:

— Собаки! Гнусные животные! Делают сам-знаешь-что прямо мне на ступеньки! — Она свирепо потерла порог. — Конечно, я во всем виню хозяев. Так я ему и сказала.

— Кошмар! — прохрипел Фред. — Не может быть!

— И представь себе, он сделал вид, будто не понимает, о чем это я! С некоторыми говорить — как об стенку горох. Так что я взяла ведро да и облила обоих!

Фред онемел от ужаса и только и мог, что тащить на нее.

— Это уж привело их в чувство, — удовлетворенно продолжала женщина. — Никогда не видела, чтобы собаки так убежали. Люди, правда, тоже.

Фред сглотнул и снова обрел голос:

— А куда они побежали?

Женщина бросила щетку обратно в ведро.

— Туда, — мотнула она головой в сторону города. — И скатертью им дорожка! — бросила она, исчезая в доме.

Фред уставился на дверь, пытаясь представить себе, как императора на огромной скорости тащат на буксире по городским улицам, а с него всюю капает. И это человек, который прогулку в автомобиле считал моционом! Это человек, который считал, что, если хочешь погладить пса, нужны перчатки! Переживет ли он такое потрясение?

— Только пусть с ним все будет хорошо! — молил он, пускаясь бежать. — Больше никогда не буду жаловаться на глупые поручения! Окучу все маргаритки до одной! И... и попрошу себе секатор поменьше! Только, пожалуйста, пусть с ним больше ничего не случится! И пусть я поскорее его найду!

Маленьким мокрым торнадо летел Чумазик по городским улицам.

Большим мокрым торнадо несся за ним император.

В переулках и садах его окутывала поднимающаяся пыль. Лужи расплескивались и обрызги-

вали его с ног до головы. Из двери лавки, торгующей птицей, вырвалось облако птичьих перьев и облепило его. Коты шипели и скалились. Автомобили сворачивали в стороны, визжа тормозами. Попугай в клетке, стоявшей на подоконнике, верещал от смеха.

Вскоре широкие проспекты остались позади. Дома стали выше, а улицы — уже и темнее. Этого города император не знал.

А Чумазик знал: он радостно тьякал и бежал все быстрее, быстрее, быстрее — пока не свернул за угол и не сбил с ног женщину с корзинкой. Плюхнувшись на четвереньки на булыжную мостовую, женщина оказалась с Чумазиком нос к носу.

«И где же я вас видел? — задумался он. — Ну-ка, ну-ка, секундочку: запахов я не забываю!»

К несчастью для императора, госпоже Хаббл не понадобилось даже половины секундочки, чтобы опознать Чумазика. Она поднялась с мостовой и одарила императора таким взглядом, каких в его сторону еще никогда не бросали.

— Так это ваша собака? Ага! Я ждала этого несколько дней! Получайте! — Когда она занесла зонтик, император хотел пригнуться, но не успел. — Вот вам! Вот вам! Вот вам!

Император, не задумываясь о том, этично ли такое поведение, схватил поводок Чумазика и пустился в бегство.

Госпожа Хаббл кинулась за ним:

— Держи вора! Ваш пес съел все мои бараньи котлетки! Держи вора!

Крик подхватила компания оборванных детей, игравших в переулке в мяч:

— Держи вора! Он вон туда, вон туда побежал!

Альф Фишгард, как обычно в это время дня, слонялся у конторы букмекера в двух улицах от места событий. Заслышав крики, он поднял голову. Мужчину, который мчался по улице в его сторону, он не узнал, но собаку узнал прекрасно.

Когда император поравнялся с Альфом, тот шагнул на мостовую и схватил его за лацканы.

— Попался! — зарычал он. — Ты должен мне новые штаны, и твой дурацкий пес тоже! Что ты на это скажешь?

— Я вижу вас в первый раз! — Император услышал топот множества ног и лихорадочно дернулся. — Но, если я вам что-то должен, я отдам! — Он вздохнул с облегчением, потому что маньяк в зеленой кепке его отпустил. — Обратитесь завтра во дворец, там все уладят! — крикнул он через плечо, улепетывая со всех ног. — Всего наилучшего!

Когда императорское пальто выскользнуло из хватки Альфа Фишгарда, он глухо заревел:

— Какой дворец?! Ты что, там живешь, что ли? За кого ты меня держишь — за полного идиота?

Император пролетел по улице и стрелой метнулся в щель в заборе, которая подвернулась очень кстати. Он оказался во дворе и тут же попал в силки бельевых веревок. Он пытался остановиться, но не мог.

— Эй, куда это вы тащите мое белье?! — закричала из окна кухни какая-то женщина. — Держите вора!

«Четверо не удержат», — с удовольствием подумал Чумазик.

Они мчались дальше, а за ними развевались одна веревка, две нижние юбки и две полосатые фланелевые пеленки.

— Прекрати ныть, — сурово сказала Анна Сэму. — Если бы ты вчера не накуролесил, сегодня тебе не пришлось бы гулять на поводке. На этот раз ты не улизнешь. Сейчас мы ходим к господину Груберу и к тетушке Ханне, а потом прямо домой. Тебе ясно?

Сэм повесил нос. Веревка, привязанная к его ошейнику, удержала бы и бешеного носорога, и к тому же Анна дважды обвила ее конец вокруг своего запястья. И что-то говорило Сэму, что отпускать веревку Анна не собирается.

— А пока ты на поводке, можешь заодно поучиться хорошим манерам, — задумчиво продолжала Анна. — Я знаю, что выпрашивать ты умеешь, но нужно знать еще кое-что. Ты уже не щенок. Тетушка Ханна говорит, что пудель ее подруги знает команду «сидеть»...

«Как скажете», — подумал Сэм, усаживаясь.

Анна заморгала.

— Хороший пес! — воскликнула она, оправившись от потрясения. — Как быстро все схватываешь! Ну-ка, чему бы тебя еще научить?

«Как избавиться от поводка?» — с надеждой поглядел на нее Сэм.

И вдруг на соседней улице поднялся ужасный переполох.

— Ой! Ну и кто там, интересно, влип на этот раз? Одна радость — для разнообразия ты, Чумазик, здесь ни при чем. Пойдем поглядим, что там делается.

«Что-то мне подсказывает, что вы ошибаетесь, — встревоженно подумал Сэм. — Хорошо. Иду!»

И они ринулись в Палтусовый переулок.

На каждом углу к толпе, которая преследовала императора с Чумазиком, примыкали новые лица. Возглавлял толпу Альф Фишгард вместе с владелицей белья и полудюжиной ее друзей и родст-

венников. За ними следовали полицейский, пара лавочников, стайка детишек, пирожник и местный газетчик. Госпожа Хаббл, поотстав от прочих, неверной походкой ковыляла к стеночке — ей хотелось собраться с силами и перевести дух. Сэм с Анной очутились рядом в самый неподходящий момент.

— Пуфф! — сказала госпожа Хаббл, которая во второй раз за десять минут оказалась на четвереньках на мостовой. — Смотрите, куда идете... Эй! — Она заметила Сэма. — Эй! Ах ты мерзопакостник, как тебе удалось вернуться, когда за тобой гонится полгорода?

«Сударыня, я вас впервые вижу!»

— Не может быть, чтобы гнались за ним! — обиженно возразила Анна. — Честное слово, госпожа Хаббл, я с него все утро глаз не спускала!

«Готов клятвенно это подтвердить!»

— Верится с трудом! — Госпожа Хаббл сердито поднялась на ноги. — Оставайтесь на месте, барышня. С вами тут уйма народу хочет словечком перемолвиться. Эй! — заверещала она, когда Анна предприняла поспешное отступление по переулку. — А ну вернитесь, сладкая парочка! Держи вора!

«Ну вот опять...»

— К сточной трубе, Чумазик! — крикнула Анна, улепетывая со всех ног. — Бегом!

Бежать по следу императора оказалось проще простого. Это было хорошо. Плохо было то, что, насколько Фред мог судить, император меньше

чем за полчаса умудрился вымокнуть до нитки, подвергнуться атаке зонтиком, едва не задушить себя веревкой, покрыться куриными перьями и связаться с чьей-то недельной стиркой. Сколько, однако, неприятностей могут навлечь на себя один человек и одна собака, думал Фред, следуя за воплями «Держи вора!» в лабиринте улочек у реки.

Наконец он стал нагонять императора. Крики слышались совсем близко — впереди и чуточку справа. Или слева?

Вот забавно: почему-то казалось, будто крики доносятся с обеих сторон.

Забавно?! Фред так и подскочил. Ничего забавного! Дело серьезное!

Если за императором гонятся и справа, и слева, а он как раз посередине...

— Он в ловушке! — воскликнул Фред. — Куда бы он ни бежал, его поймут! — И он понесся по ближайшему переулку, как безумный. — Ой, пусть только я первым до него добегу, и я больше никогда ни о чем не попро...

Он умолк, не окончив молитвы: вдали переулок пересек маленький песик, вслед за которым бежал крупный мужчина. Мужчина хромал — и Фред никогда не видел, чтобы кто-нибудь хромал с такой скоростью, особенно обмотавшись бельевой веревкой и двумя фланелевыми пеленками.

— Эй! — крикнул Фред, отбросив осторожность. — Погодите минутку! Это я!

«Остановиться не могу, приятель. Спешу на неотложное свидание с одной сточной трубой».

Император бросил через плечо затравленный взгляд и нырнул в заросли кустов у реки. Долю секунды спустя совершенно такой же песик вылетел в переулочек с другой стороны ноздря в ноздю с девочкой, которую Фред раньше не видел.

— Эй! — снова крикнул Фред. — Ваше собачество! Стой!

«Извините, не могу: я только что увидел моего потерянного брата!»

Ни секунды не раздумывая, песик и девочка исчезли в кустах.

Когда Фред добежал до берега реки, там уже было полно взволнованного народу. Все тесной массой сгрудились у кустов, куда нырнули беглецы.

— За ними! — ревела толпа, однако Фред с облегчением обнаружил, что большинство склонно скорее кричать, нежели продолжать погоню.

— Это же сточная труба, — указал пирожник. — Спускаться туда нельзя. Там бациллы и все такое. Можно что-нибудь подцепить.

Кругом согласно загудели. Кто-то высказал предположение, что, если сам что-нибудь не подцепишь, кто-нибудь подцепит тебя.

— Ага. Там всякие к'гысы, — со знанием дела заметил какой-то мальчишка.

— И крокодилы.

— Сотни крокодилов.

— Их спускают в туалеты, а потом они сюда и попадают.

Альф Фишгард задумался. А потом сказал:

— Ерунда! Подумаешь, крокодилы! Я все равно до него доберусь. Нечего меня дураком считать! — И он присел на корточки у входа в трубу.

Фред кинулся к нему.

— Пойдите! Туда нельзя! Там не только крысы и крокодилы, там кое-что гораздо хуже! Там... Там...

В мозгу у Фреда словно бы что-то взорвалось. Может быть, не стоило столько носиться на пустой желудок, но ощущение было как от озарения.

А как же без озарения? На меньшее Фред был не согласен: без озарения он бы пропал.

Фред глубоко вдохнул, скрестил пальцы за спиной и произнес:

— Там, внизу, ГРАКЛИ. Крупные!

Альф Фишгард нахмурился и поднялся:

— Гракли? Ты о чем это, парень? Первый раз слышу!

— Так вы и не должны о них знать. — Фред понизил голос до шепота. Толпа придвинулась поближе. — Если это всплывет, будет паника.

Посыпалась лавина вопросов:

— Если что всплывет?

— Откуда всплывет?

— Гракли! — крикнул мороженщик, не дав Фреду и рта раскрыть. — Там, в трубе! Дюжины граблей!

— Помоги нам Господь, — с суровым видом проговорила госпожа Хаббл.

— А почему с ними ничего не делают? — свирепо спросила владелица белья, уставясь на Фреда.

К счастью, у Фреда было время на обдумывание ответа на этот вопрос:

— Потому что невозможно отлавливать граклей без гракльхаундов, а их в мире осталось всего двое! В прошлом году по приказу императора их еще щенками тайно привезли сюда, и с тех пор они проходили интенсивное обучение!

— Ерунда! — повторил Альф Фишгард. Однако лезть в трубу он уже не рвался. — И кто их, интересно, обучал? Уж не ты ли, сморчок?

Фред смерил его холодным взглядом:

— Одного отправили во дворец, чтобы он рос под личным надзором императора...

— Благослови его Господь! — вскричала госпожа Хаббл, истинная патриотка.

— А другого поместили... поместили в тайное убежище, и вовсе не в миллионе миль отсюда, чтобы он неузнанным рос среди народа. В общем и целом. — Фред вытер лоб и ринулся дальше. — И вот сегодня, именно сегодня, начался первый этап битвы с граклями. В одиннадцать часов — а в это время гракли любят вздремнуть — император подал знак. Все вы видели, как он повел на улицы города своего верного пса. В этот же миг доблестная владелица привела сюда и второго пса...

— Ты это чего? Выходит, тот крендель в перьях был император? — Фишгард потер подбородок. — Он что-то там такое нес про дворец, а я решил, будто это ерунда...

— Вы все ерундой считаете, — неодобрительно заметил пирожник. — Пусть это послужит вам уроком. Только подумать — не поверил нашему собственному императору, который в эту

самую минуту сражается с граклями, защищая всех нас!

— Благослови его Господь! — Расчувствовавшись, госпожа Хаббл вытащила из-под манжетки огромный платок. — И ее тоже, бедную замухрышечку. Если бы я знала, то не пожалела бы этому псу бараньей котлетки. А вы, — и она ткнула Альфа Фишгарда зонтиком, — постыдились бы поднимать такой гвалт из-за пустячного укуса в заднюю часть! Разве можно думать о брюках, когда на кон поставлена жизнь императора, а ведь он у нас такой толстенький...

— И вовсе не толстенький, — возразил другой патриот. — Совсем даже не толстенький. Просто в меру упитанный. И у него такие красивые глаза...

— В общем, — сказал Фред, чувствуя, что у него голова кругом идет, — в общем, дело в том, что я прибыл из дворца понаблюдать за ходом битвы, так что прошу прощения, но я спущусь вниз посмотреть, кто побеждает. Если я не вернусь через полчаса, значит, гракли меня одолели, и тогда передайте, пожалуйста, Карлу, что он был прав и что мне не следовало этого делать. Он поймет.

И Фред, с отважным видом махнув на прощание рукой, быстро полез в трубу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Глубоко под городом произошел целый ряд трогательных встреч после долгой разлуки.

«Вот он я!» — И Чумазик, вне себя от восторга и облегчения, ринулся в объятия Анны. Он лизал ей нос, уши, щеки и был во всем таким несомненным Чумазиком, что Анна уронила веревку Сэма, чтобы крепко прижать к себе своего собственного песика.

Император выпустил золотой поводок и сел. Он не был похож на императора и чувствовал себя вовсе не по-императорски. Вид у него был ошарашенный и очень-очень усталый.

И вдруг из черноты донесся один-единственный «тявк».

«Гхм... прошу прощения...»

Император поднял голову.

Что-то кинулось к нему на колени. Это что-то было маленькое, увесистое и пахучее. Оно лизало императору нос, подбородок, уши и в целом

ило себя настолько не похоже на последних из гракльхаундов, что император исключительно чудом сразу, без тени сомнения догадался — да, это именно он. Император улыбался и (даже не взглянув в записную книжку) все гладил и гладил Сэма по голове.

Там-то пять минут спустя и нашел его Фред.

Мальчику ничего не оставалось, кроме как рассказать все с самого начала, с того судьбоносного момента, когда он споткнулся о Сэма на ступенях дворца.

Исповедавшись во всем — включая блох и нашествие граклей на городскую канализацию, — Фред вздохнул с облегчением.

— Ну вот, ваше величество. Мне ужасно, ужасно совестно. — Он склонил голову и ждал, когда разразится гроза.

Император продолжал гладить Сэма по голове.

— Так мой пес — не последний из гракльхаундов? И вообще не последний?

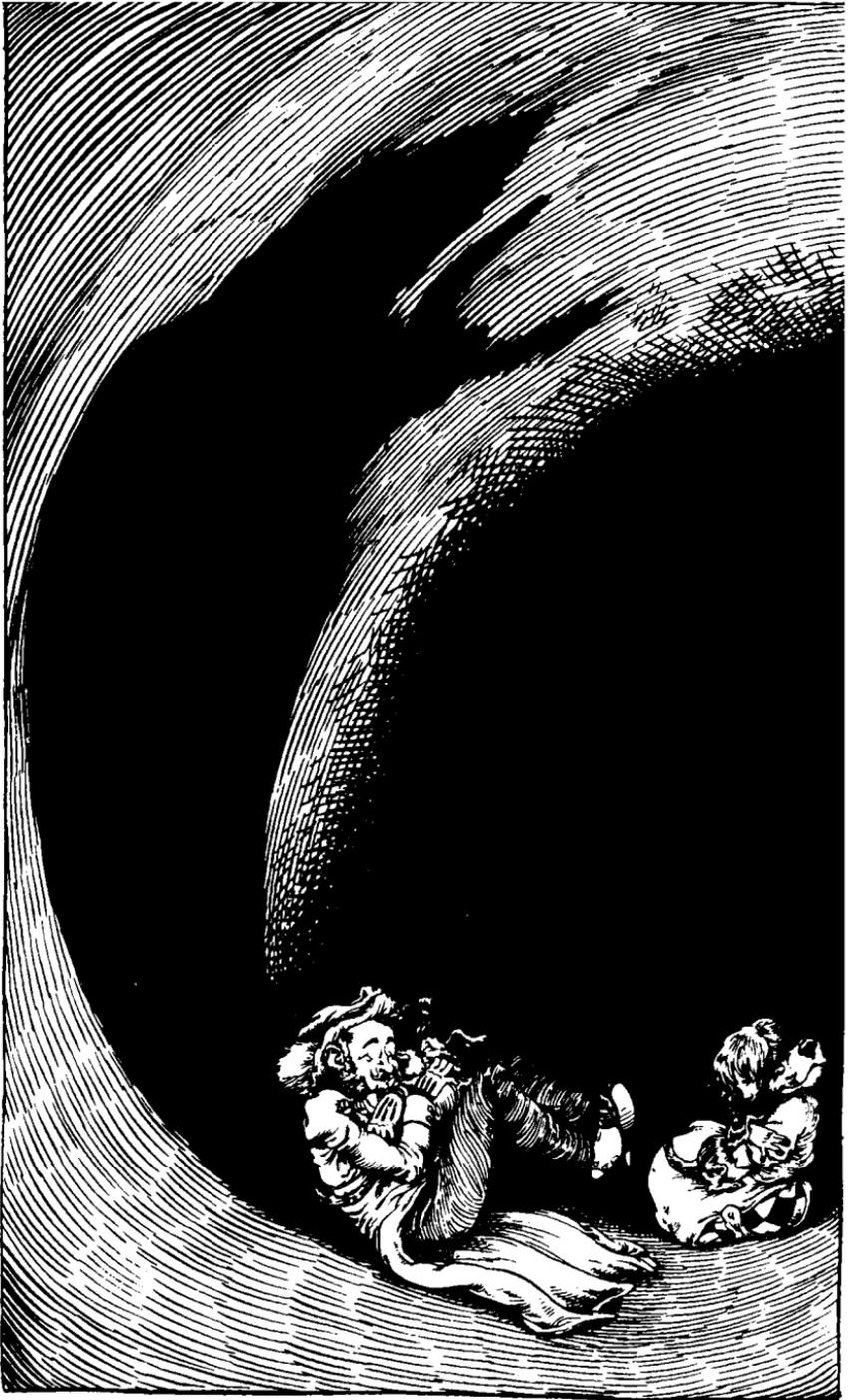
Фреда просто поразило, как спокойно император к этому относится.

— Извините, нет, — пробормотал он, чувствуя себя еще более виноватым.

— Ну и что? — Фред и император разом подпрыгнули, когда из полумрака донесся сердитый голос. — Да если он и не последний, кому какое дело?

— Прошу прощения... — произнес император.

Анна по привычке нахмурилась, глядя на песика в своих объятиях. Сейчас это означало крайнюю степень нежности.

— Чумазик никакой не последний, и я этому очень рада, — сказала она. — Я его люблю таким, какой он есть. Может, он и не любит Моцарта и не знает, как возглавлять парад, но он храбрый, он умница, он мой, и я его люблю. Я ведь тоже никакая не последняя, — а знаете, как говорит мой папа?

Император улыбнулся. Он прижал Сэма к груди очень крепко.

— И что же говорит ваш папа?

— Лучше быть первым, чем последним, — просто ответила Анна.

«Точно!»

«Разумеется!»

Фред изумленно заморгал:

— А знаете, моя бабушка все время говорит то же самое! Думай о завтрашнем дне, а не о вчерашнем.

— Не смотри, где ты был, смотри, куда идешь!

— Цыплят по осени считают!

— Скажите, а она говорила все это до несчастного случая с паровым катком или после? — кротко спросил император. — Нет-нет, ничего-ничего. — Фред вспыхнул, а император неловко поднялся на ноги. — Ваша бабушка была права. — Он улыбнулся Анне. — И ваш папа тоже. Вот, к примеру, мы, две собаки и три человека, — первые из Бог-знает-кого. Пора задуматься о завтрашнем дне.

«Не говоря уже об ужине».

«Надеюсь, мою косточку ты не трогал?!»

Назавтра мальчишки–продавцы газет кричали на улицах столицы:

«Читайте все!»

«Император, дети и собаки спасли столицу от граклей!»

«Отдан приказ воздвигнуть статую первого из гракльхаундов!»

«Жестянщик Грегори стал советником императора по вопросам переработки отходов!»

«Самый молодой в мире главный садовник объявляет дворцовый сад заповедником!»

«Все бродячие собаки, кошки и голуби будут раз в день получать бесплатную еду с дворцовой кухни!»

«Да здравствует император и да здравствует пес императора!»

P. S. Первый из гракльхаундов по-прежнему марширует на парадах и сидит на императорских концертах, склонив голову к плечу. Еще он гоняется за мячиками во внутреннем дворе и роет загадочные норы в Имперском Заповеднике, предмете особой гордости и радости Фреда. Каждый день гракльхаунд выходит на прогулку с самим императором. Теперь они знают все городские закоулки, и не только госпожа Хаббл и Альф Фишгард приветствуют их и желают им всего наилучшего. По ночам золотая будка пуста. Сэм спит у императора в постели. И оба ни за что не пожелали бы ничего менять.

Лорд Ястреб этого не одобряет, но держит рот на замке: времена нынче сложные — стоит императору невинно уронить: «А расскажите-ка нам, Ястреб, о вашей последней охоте на граклей», — и главный советник становится нем как рыба. Случается, император предлагает, чтобы лорд Ястреб заказал свой парадный портрет в

полном снаряжении для охоты на граклей или добавил изображение трех граклей к гербу Ястребов, но император — человек добрый и делает это редко.

Не чаще раза в месяц.

Альберт и кот пунктуально каждый день являются на ступени дворца за бесплатной едой. Иногда приходит и Чумазик. Не потому, что он голоден, — ведь теперь Грегори возглавляет городской центр по переработке вторсырья, пищи куда больше прежнего, а основное занятие Чумазика — переработка бараньих котлеток госпожи Хаббл. Песик прибегает составить компанию друзьям и повидаться с братом.

Адъютант обшарил в поисках граклей все уголки земного шара — от Сиднея до Торонто. Пока что он ни одного не нашел, но в последней его

телеграмме говорилось, что, по его сведениям, один гракль затаился на пятом этаже фешенебельного отеля «Майами Хилтон», и теперь адъютант намерен оставаться там, пока не поймает гракля. Вероятно, он и по сей день в засаде.

И последнее — по порядку, а не по важности: Чумазик по-прежнему ненавидит Аннину скрипку, так что перед ним Анна не выступает, а раз в неделю приходит во дворец поиграть Сэму и императору. Оба полагают, что она делает успехи.

Честное слово.

И все они жили долго и счастливо.

ВИЛЯМ
И ВОЛКУ

*Элеанор, Джо и Элис — с любовью
и благодарностью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Барашек неторопливо вошел в жизнь Вильяма одним тихим воскресным днем безо всякого предупреждения. Барашек, само собой, был не его, а Мэри. Вот к чему приводит неумеренное пичканье четырехлетней девчонки всякими песенками да потешками, думал Вильям. Куда только смотрела бабушка?

— У Мэри есть барашек, — декламировала между тем упомянутая бабушка. Она сидела на диване, обняв Мэри за плечи. — Ты мне не рассказывала, Мэри. У тебя что, есть барашек?

Мэри оглушительно расхохоталась. Вильям скрипнул зубами.

— Ну что ж, давай я спрошу у Вильяма. Вильям, не прячет ли твоя сестренка где-нибудь барашка?

Вильям молча перевернул страницу. Он вовсе не хотел вести себя невежливо: ведь эта дама, в конце концов, ему родная бабушка. Когда-то на

этом самом диване она обнимала и его, и читала ему сказки, и кормила его мятными леденцами, пока мама не смотрит, — от них во рту поднимался настоящий ураган. Это было давным-давно, когда Вильям был маленький. До Мэри.

Вильям бесстрастно перевернул еще одну страницу.

— Ну что, лапочка, у тебя правда есть барашек? Мэри опять расчихикалась.

— Ну и где же он? Покажи его мне! Где он живет?

Мэри примолкла. Если бы Вильям знал ее не так хорошо, то сказал бы, что она задумалась. Потом она показала на пустое место возле подлокотника.

— Там, бабушка!

— На краю дивана? Вижу, вижу.

На диване ничего не было. Вильям видел диван краем глаза, и там ничего не было, даже плюшевого мишки. Только большая голубая подушка.

— По-моему, Мэри, он спит. Ему нравится там спать?

— Он всегда там спит. — И Мэри похлопала по подушке с такой страшной силой, что любое животное испугалось бы до полусмерти. Настоящий баран укусил бы ее, подумал Вильям. Жалко, что он не настоящий.

— Настоящие бараны не спят на подушках, — сказал Вильям в пространство.

— А он и не *на* подушке, — сказала Мэри. — Он *под*.

— Это же *видно*, — сказала бабушка Вильяма.

— Под подушками они тоже не спят, — заметил Вильям, не поднимая головы.

— А этот спит, — сказала Мэри. — И вообще, сейчас он уже не спит. Он проснулся. — Она подняла подушку и заглянула под нее.

— А что он обычно делает, когда просыпается?

Вильям дернулся. Судя по всему, бабушка твердо настроена вести себя как последняя идиотка.

— Конечно кушает, — сказала Мэри.

— Наверное, травку, — предположила бабушка.

— Вообще-то он кушает мятные леденцы.

— Мятные леденцы? Очень кстати.

Вильям услышал щелчок — это бабушка открывала сумочку, — а потом зашуршала бумажка.

— Я сама ему дам. — Мэри помахала леденцом над пустым местом у подлокотника, а потом сунула конфету в рот.

— Бараны не едят леденцов, — сказал Вильям.

— А мой ест. Он его уже скушал. И хочет еще.

Бабушка Вильяма снова достала кулек с леденцами. Когда Барашек скушал еще два леденца, бабушка предложила конфетку и Вильяму.

— Нет, спасибо, — холодно ответил Вильям. Он поднялся и сунул книгу под мышку. Когда он открывал дверь, Мэри объявила, что Барашек хочет поиграть в подкидного дурака.

— В подкидного дурака? — Бабушка не любила подкидного дурака больше всего на свете. — Может быть, он лучше поиграет в «Змейки и лисенки»?

Вильям остановился на пороге.

— Мой Барашек, — с нажимом сказала Мэри, — терпеть не может змеек. Они ему потом снятся. Придется нам играть в дурака.

— Ну что ж, — сказала бабушка, отважно выпрямившись. — Неси карты.

Вильям закрыл дверь со злорадным удовольствием. Бабушка наделала глупостей — пусть сама и расплывается. Он отправился наверх и читал до самого чая.

Когда мама крикнула, что чай на столе, Вильям отложил книгу и побежал вниз. Он знал, что к чаю будут кексики, и нетрудно было сосчитать, что если за столом четыре человека, а кексиков восемь, то каждому достанется по два. А лично ему, может быть, и три, если Мэри разрешат съесть только один, а ребенку ее возраста одного вполне достаточно.

Но оказалось, что папа уже вернулся с сельскохозяйственной выставки и к тому же привез с собой дедушку. Итак, шесть человек на восемь кексиков. Надежды Вильяма рухнули. Он уныло налил себе чая, взял кексик и направился к дивану.

— Сюда не садись, — сказала Мэри. — Это место Барашка.

Вильям пристроил тарелку на подлокотник и с размаху уселся. Пружины взвизгнули.

— Ты же сел прямо на Барашка! — завопила Мэри. — Ты его раздавишь!

— Вильям! — сказали мама, папа и бабушка в один голос. Дедушка не присоединился к хору только потому, что не знал, что происходит. И вообще брал себе второй кексик.

Вильям поднялся и пересел на пол, как можно дальше от всех. Он старался есть побыстрее. Оставался еще один кексик, и если Вильяму удастся доесть раньше папы, ему, вероятно, разрешат его взять.

— Барашек тоже хочет кушать. — Новость была объявлена в тот момент, когда Вильям дожевывал последний кусочек. — Можно ему скушать еще кексик?

— А ты уверена, что он с ним справится? — спросила мама. — Хорошо. Покорми Барашка.

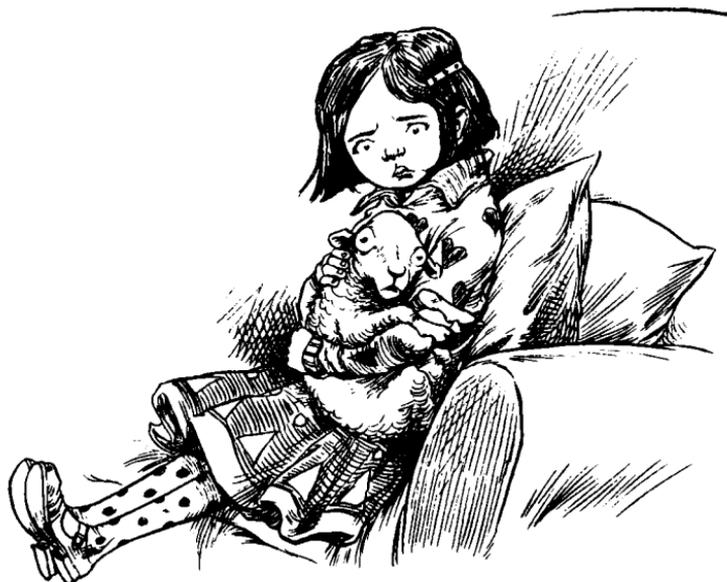
И на глазах у Вильяма Мэри помахала кексиком над голубой подушкой и слопала его без остатка. Эх, конец кексику!

Вильям проглотил свой последний кусочек. Когда вкус во рту окончательно исчез, он облизнул палец и подобрал со своей тарелки все крошки,

изо всех сил стараясь не глядеть, как Мэри устраивает целый спектакль вокруг голубой подушки: берет ее на руки, гладит над ней воздух, кудахчет и воркует.

— Как твой футбол, Вильям? — спросил дедушка. — Ты по-прежнему левый...

— Тс-с, — зашипела Мэри. — Барашек хочет спать.

— Да, я по-прежнему левый нападающий, — сказал Вильям громко.

— ТССССССС!

Бабушка рассмеялась.

— Какой прелестный возраст, правда? — вполголоса сказала она маме Вильяма. — Так жаль, что потом все очарование проходит.

Вильям поднялся. Его тяжело оскорбили.

— Ой, да у Вильяма никогда не было такого воображения, даже в ее возрасте, — шепнула в ответ мама. — Разве можно их сравнивать?

— Знаешь, Вильям, тебе стоит поучиться у сестренки, — посоветовал дедушка, нагнувшись к уху Вильяма. — Заведи себе собственного невидимого друга, и все дела. Кого ты хочешь, а? Барашка, как у Мэри?

Отвечать Вильям не собирался. Он вообще в этот момент не был уверен, что в состоянии говорить. Потом мама сказала: «Вильям!» — и выяснилось, что говорить он очень даже может.

— Нет, — тихо ответил он с порога. — Мне не нужен барашек, как у Мэри. У меня будет волк.

Мэри перестала гладить Барашка и поглядела на брата со смутной тревогой.

Вильям приободрился и продолжил:

— И даже не волк, а волки. Шестеро. Они придут уже завтра утром.

— Молодчина, Вильям, — несколько нервно сказал дедушка. — Ха-ха. Шестеро волков. Очень смешно.

Больше никто ничего не сказал.

— До свидания, бабушка, до свидания, дедушка, — сказал Вильям, когда молчание продлилось достаточно долго. — Кстати, мои волки не будут спать на диване. Это лесные волки. Они будут жить в сарайчике в саду. Так что, Мэри, забери-ка оттуда свой велосипед.

И Вильям с вежливой улыбкой закрыл дверь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро Вильям проснулся довольный, но озадаченный. Что-то должно было произойти, что-то такое, чего он с нетерпением дожидался, но что именно, он не понимал. Сегодня не день рождения, не первый день каникул и даже не суббота. Почему же у него такое чувство, что этот день запомнится ему надолго?

В соседней комнате скрипнула родительская кровать. Папа встает. Почти сразу же к дверям родительской спальни мимо комнаты Вильяма протопотала Мэри. Вильям по привычке слегка нахмурился, но хмурая гримаса тут же исчезла, как только он вспомнил, что такого особенного в этом понедельнике: волки!

Насвистывая, Вильям отбросил одеяло.

— Они уже здесь, — сказал он за завтраком.

— Кто? — зевнув, спросила мама. — Мэри, сними Барашка со стула, это не его стул, а папин. Барашку придется посидеть у тебя на коленях.

— Но ведь он все время съезжает, — возразила Мэри. — И плачет.

— Ну так посади его на диван. — И мама удалилась в кухню жарить гренки.

— Но он же хочет КУШАТЬ! — завопила Мэри. — Ему не дали каши!

— Успокойся, Мэри, — сказал Вильям. — Посади Барашка на мой стул. Я пойду посмотрю, как там волки.

— Волки? — Кажется, она испугалась. Хорошее начало.

— В сарайчике. Они тоже хотят есть. А уж они-то кашку не едят.

Мэри подхватила Барашка со стула и прижала его к себе.

Вильям поднялся, ласково улыбаясь сестренке.

— Да-да, пойду посмотрю, в каком они там настроении.

На пороге он остановился.

— Хочешь, пойдем вместе? — спросил он. — Можешь и Барашка прихватить.

Мэри замотала головой и еще крепче прижала Барашка к себе.

— Ну, тогда смотри в окно, — покровительственно посоветовал Вильям. И вышел.

— Куда это ты? — спросила мама.

— В сарайчик.

Мама сказала «А» и стала дальше нарезать хлеб для гренков. Как это типично, подумал Вильям. Ни проблеска интереса к волкам, ни искорки — а между тем мама битый час болтала с Мэри про

Барашка. Впрочем, в отдаленной перспективе это может быть Вильяму даже на руку.

На полпути к сараю Вильям обернулся. Мэри встала коленками на стул и глядела на брата в окно. Он помахал ей и побежал к сараю. Распахнув дверь, он юркнул внутрь и побыстрее захлопнул дверь за собой.

В сарае было темно, потому что окошко заросло плющом. Вильям сел на длинный стол, стоявший у стены, и принялся осматриваться, посасывая мятный леденец, который завалился у него в кармане брюк.

Как будущее жилище для шестерых взрослых волков сарайчик был определенно маловат. Со всеми этими велосипедами, садовыми инструментами и тачкой места оставалось разве что на одного, а никак не на шестерых. Ну, в крайнем случае, четверо волков могут поспать и на столе, подумал Вильям. Еще двое при желании устроятся в тачке. Подобные мелочи лучше улаживать с самого начала.

В тачке громоздились цветочные горшки. Вильям переставил их на полку и постелил в тачку папину рабочую куртку, чтобы было не так жестко. Может, в смысле воображения его с Мэри и сравнивать нечего, но все равно он понимает, как достойно принять лесного волка.

И не одного, напомнил он себе, а шестерых. Шестерых волков! А еще говорят, будто у него нет воображения! Жаль только, что он больше не придумал: десять волков, пятьдесят, сто...

Нет, за таким количеством ему не уследить. Шесть — отличное число. Полдюжины волков — это в самый раз.

— Вильям! — окликнули его снаружи. — Что ты там делаешь? В школу опоздаешь!

Вильям соскочил со стола. По дороге к двери его осенило. Значит, его с Мэри и сравнивать нечего, да? Ну, он им покажет. Вот вам для начала!

Минуту спустя Вильям приоткрыл дверь на самую чуточку и протиснулся наружу. Волосы у него были встрепаны, галстук торчал под левым ухом. На щеке красовалось грязное пятно.

— Лежать! — строго наказал он пустому сарайчику. — Все, хватит! Мне пора. Днем приду опять. Лежать, ребята, *лежать*, кому говорят!

Вильям захлопнул дверь и устроил целый спектакль — изо всех сил подпирал дверь, чтобы не открылась, пока он задвигает засов. Он снова помахал Мэри и побежал по тропинке к дому.

— Вильям, ради всего святого, иди умойся! И побыстрее! Мы уже опаздываем.

По дороге в ванную Вильям заглянул в гостиную. Мэри стояла у окна и круглыми глазами смотрела на сарайчик.

— У них все нормально, — сказал Вильям. — Просто очень устали. Пришли пешком из самой Сибири. Не беспокой их, что бы ни случилось. И не подпускай к ним Барашка: я их накормил вполне приличным завтраком, и больше им есть нельзя.

— ВИЛЬЯМ!

— Счастливо оставаться, Мэри. — И Вильям убежал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда Вильям вернулся домой, Мэри сидела в кухне и рисовала. На столе стояла жестяная коробка с печеньем. Вильям налил себе попить и выдвинул стул.

— Это место Барашка, — сказала Мэри.

Ничего, это ненадолго, пообещал себе Вильям, вот когда волки вплотную возьмутся за дело... Он открыл коробку и взял себе два шоколадных печеньца. И уже собрался было закрыть ее, но передумал и взял еще четыре.

— Это волкам, — весело объяснил он Мэри. — Они скоро проснутся. Ну, конечно, они больше любят мясо, чем печенье. Свежее нежное мясо — вот что любят волки. Ну, пока, Мэри. Ах да, присматривай хорошенько за Барашком, ладно?

И Вильям, посмеиваясь, удалился в сарайчик.

Вообще-то дурачить идиотскими волшебными сказками такую малявку, как Мэри, даже слыш-

ком просто, думал он, жуя печенье в полумраке. Она-то поверит в любую замшелую ерунду: и в говорящих волков, и в волков, переодетых бабушками. Но его волки — это совсем другое дело. Это настоящие звери — с шерстью, взъерошенной суровым северным ветром, с узкими сверкающими желтыми глазами. А главное, им ни к чему ни кашка, ни печенье: ведь у них огромные всамделишные зубы.

Вильям вспомнил о Барашке. Он закрыл глаза и начал представлять себе, как будет выглядеть Барашек, когда волки расправятся с ним окончательно и бесповоротно.

— Вильям, ты где?

Услышав мамин голос, Вильям открыл глаза и обнаружил, что глядит на папину рабочую куртку в тачке. Спереди у нее вместо молнии были большие деревянные пуговицы: спать на таких не очень-то удобно. Может, волки их обкусают? Но тогда куртке конец.

Вильям нахмурился. Все эти дела с воображением оказались куда более хлопотными, чем он думал. Нужно хорошенько раскинуть мозгами. Может, положить поверх куртки старый коврик из гостевой комнаты? Да, наверно. Принесу-ка его прямо сейчас, пока не забыл.

— Ах вот ты где, — сказала мама, когда Вильям показался на пороге кухни. — Пожалуйста, больше никуда не исчезай. Я тебя уже сто лет ищу. Посиди с Мэри — мне надо сбегать к миссис Эванс одолжить молока. Хорошо? У нас кончилось.

Вильям пододвинул себе ничейный стул и уселся, пока Мэри не успела заявить, что это место Барашка. К вящему разочарованию Вильяма, Мэри не обратила на него никакого внимания.

— А где твой Барашек?

— На диване. Смотрит телевизор.

Мэри как ни в чем не бывало продолжала рисовать. Вильям фыркнул. Телевизор! Уж его-то волки никогда не станут тратить время на подобную ерунду. Впрочем, Барашек все равно обречен, тут двух мнений быть не может.

Как только мама вернулась, Вильям ринулся в гостевую комнату за ковриком.

— Куда ты его тащишь, Вильям?

— В сарай.

— Наверное, устраиваешь там спортивный клуб, да?

Вильям ничего не сказал. Во-первых, нет такого закона, который запрещал бы людям предполагать что угодно, а во-вторых, он не понимал, куда подевалась Мэри. Барашка, что ли, ищет? Но Вильям ошибся. Не успел он дойти до двери, как Мэри вернулась в кухню, бледная, но решительная, и в руках у нее была голубая подушка.

— Это волкам, — сказала Мэри.

Вильям был потрясен, более того — он пришел в ярость.

— Волки не спят на подушках, — процедил он и захлопнул дверь. Он не позволит, чтобы Мэри пошла за ним в сад. Пусть попробует, пусть попробует, и ей конец, твердил себе Вильям. В конце концов, волки едят не только барашков.

Вильям, кипя, зашагал по тропинке к сарайчику. Но уже через несколько ярдов остановился как вкопанный.

Меньше получаса назад он как следует запер эту дверь на засов. Точно. Но сейчас дверь сарая была открыта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— В последний раз говорю, Вильям, — сказала мама. — Дверь сарая я НЕ открывала. И что с того, что она ОТКРЫЛАСЬ?

— Я в сарае кое-что делаю, — ответил Вильям. — Это секрет.

— Ну так в следующий раз закрывай дверь лучше!

— Я и закрывал!

— Вильям, не кричи!

— Ну как можно что-то делать, если все постоянно суют нос куда не положено?

— Вильям, не глупи! Дверь закрыта. Какая теперь разница, была она открыта или нет?

— Ничего ты не понимаешь, — холодно процедил Вильям и вышел из кухни.

Какая разница, горько думал он, бросаясь на диван. Еще какая! Если все будут оставлять дверь открытой, что помешает Мэри заглянуть туда и увидеть, что там нет никаких волков? И даже если

она туда не заглянет, как можно ожидать, что она будет относиться к волкам серьезно, если всем остальным будет на них наплевать? Зачем тогда вообще заводить волков, еще более горько подумал Вильям. Тогда и кролики сгодятся.

Вошла Мэри. Она положила подушку и села рядом с Вильямом.

— А где волки? — спросила она.

— А я откуда знаю? — злобно отозвался Вильям. — Дверь сарая была открыта. Они могут быть где угодно.

Глаза у Мэри округлились, а лицо стало трагическое. Слегка воспрянув духом, Вильям добавил в голос угрозы:

— Где угодно!

— В саду? — Мэри осторожно подошла к стеклянным дверям и поглядела на лужайку. Вид у нее был такой, словно она относится к волкам серьезно, и еще как.

Вильям еще больше воодушевился.

— Не исключено.

Мэри прижалась носом к стеклу.

— В кустах?

— Ну, может быть, и в кустах.

— В песочнице?

Вильям задумался. Он не хотел, чтобы Мэри решила, будто волки коротают дни, делая куличики.

— Об этом бы я не беспокоился, — нашелся он.

Мэри наморщила лоб. Песочница была ее личная, и она никого туда не пускала, даже Вильяма — особенно Вильяма. А тут в ее личной песочнице

не кто-нибудь, а волки! Нижняя губа у нее задрожала.

— Не стой у окна, — сказал Вильям, чтобы отвлечь ее. — В Сибири окон нет. Волки решат, что могут прыгнуть в дом и схватить тебя.

— Не смогут.

— Не знаю, не знаю, — милосердно ответил Вильям.

Мэри вернулась за обеденный стол.

— Волки в песочнице, — повторила она, но уже не так печально.

— Необязательно, — поспешил поправить ее Вильям. Вот уж кто не должен решать, где сейчас волки, так это Мэри. Это его дело. — Они могут быть где угодно, — напомнил он сестре. — В розовых кустах. За мусорными баками...

— В мусорных баках?

— Да... Нет. Может быть. — Сценарий Вильяма не предусматривал того, чтобы его перебивали. — Нет, не в баках, волку там не поместиться. И он туда не захочет. Не в баках. Под изгородью... — Вильям оглядел сад в поисках идей. — На... на...

— На шведской стенке?

— На шведской стенке?! Они же волки, а не шимпанзе! — закричал Вильям.

— Тогда, значит, шимпанзе на шведской стенке?

— Нет там никаких шимпанзе!

— Почему? — спросила Мэри.

Вильям глубоко вздохнул.

— Никаких шимпанзе *нет*, — проговорил он медленно и отчетливо. — Ни на шведской стенке. Ни вообще в саду. Там *волки*, а где именно — мы не знаем. Они могут быть где угодно! — Это он сказал так грозно, как только мог.

Мэри удивилась.

— Волки же в песочнице, — напомнила она брату.

— Нет!

— Да.

— Чьи это волки? Твои или мои? — закричал Вильям.

Возникла пауза.

— Это твои волки, Вильям, — тихо сказала Мэри.

— Пойди посмотри, как там Барашек, — свирепо посоветовал Вильям. — Если волки его найдут, ему конец.

— Да, Вильям. — Однако Мэри никуда не спешила. Она остановилась у окна и посмотрела на песочницу — или на шведскую стенку?

Вильям зашипел от раздражения:

— Ну, иди! Чего ты ждешь?

Мэри в последний раз взглянула в сад через плечо и медленно двинулась к дивану. Кажется, победа, решил Вильям. Он направился в кухню попить.

До него донесся голос Мэри.

— Не бойся волков, Барашек, — сказала она, снова принимаясь возиться с голубой подушкой. — Завтра можно будет поиграть на шведской стенке с шимпанзе.

Вильям хлопнул дверью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— В песочнице волки, — заявила Мэри за ужином.

— Нет, — мрачно возразил Вильям.

Папа сердито взглянул на него:

— Прекрати, Вильям. Она же играет.

— А на шведской стенке шимпанзе. — Мэри с вызовом поглядела на Вильяма.

Мама рассеянно улыбнулась. Последние пять минут она никого не слушала.

— Да что ты говоришь? Правда?

— Нет, — чуть громче повторил Вильям. Никто не обратил на это внимания.

— Я поделюсь с ними салатиком. Конечно, после того как Барашек покушает.

— Волки не едят салата!

Вот это мама прекрасно услышала.

— И нечего кричать, Вильям.

— Если захотят — скушают, — сказала Мэри. — А шимпанзе его обожают. — И она отодвинула салат на край тарелки. — Можно, я им отнесу?

— Нет, — сказала мама. — Салат тебе, а не Барашку или еще кому-то. И пока ты не доешь, пудинга не будет.

До конца ужина Мэри дулась. Вильям тоже. Когда ему дали пудинг, он понял, что нужно предпринять.

Во-первых, избавиться от шимпанзе, которым нечего делать ни на шведской стенке, ни еще где-то, и вообще все это полная чушь.

Во-вторых, вернуть волков в сарай и положить конец любым спорам о том, где они и что собираются делать.

В-третьих, раз и навсегда объяснить, что волки овощей не едят. Это Вильям всесторонне обдумал. Причем Барашку он отвел небольшую, но яркую роль.

— Пойду позову волков в сарай на ночь, — сказал Вильям Мэри, когда родители ушли убирать в кухне. — Если хочешь, можешь посмотреть в окно. Только не шуми. Волки терпеть не могут шума. И шимпанзе тоже. Хорошо, что здесь их нет, а то дела приняли бы *очень* скверный оборот. — И он строго посмотрел на Мэри.

— Шимпанзе уже ушли, — сказала Мэри. — Ушли, потому что им не разрешили скушать мой салатик. Можно мне посмотреть на волков?

— Посмотреть-то можно, только в темноте их не разглядишь. Поэтому они такие хорошие охотники. И не пускай за мной в сад Барашка.

Мэри кивнула, и глаза у нее стали как блюдечки. Вильям вышел в стеклянные двери на террасу.

— Шшш! — прошипел он с террасы и прижал палец к губам.

Мэри снова кивнула. Вильям улыбнулся и зашагал сквозь сумерки. Оказавшись у сарая, он открыл дверь и тихонько свистнул.

— Эй, волки, сюда, — окликнул он. Мэри его, конечно, не слышит, зато, наверное, видит, как у него шевелятся губы. — Сюда, ребята.

Внезапно по ту сторону живой изгороди показалась какая-то тень, отчего Вильяму даже стало на миг нехорошо.

— Ты что-то потерял, Вильям?

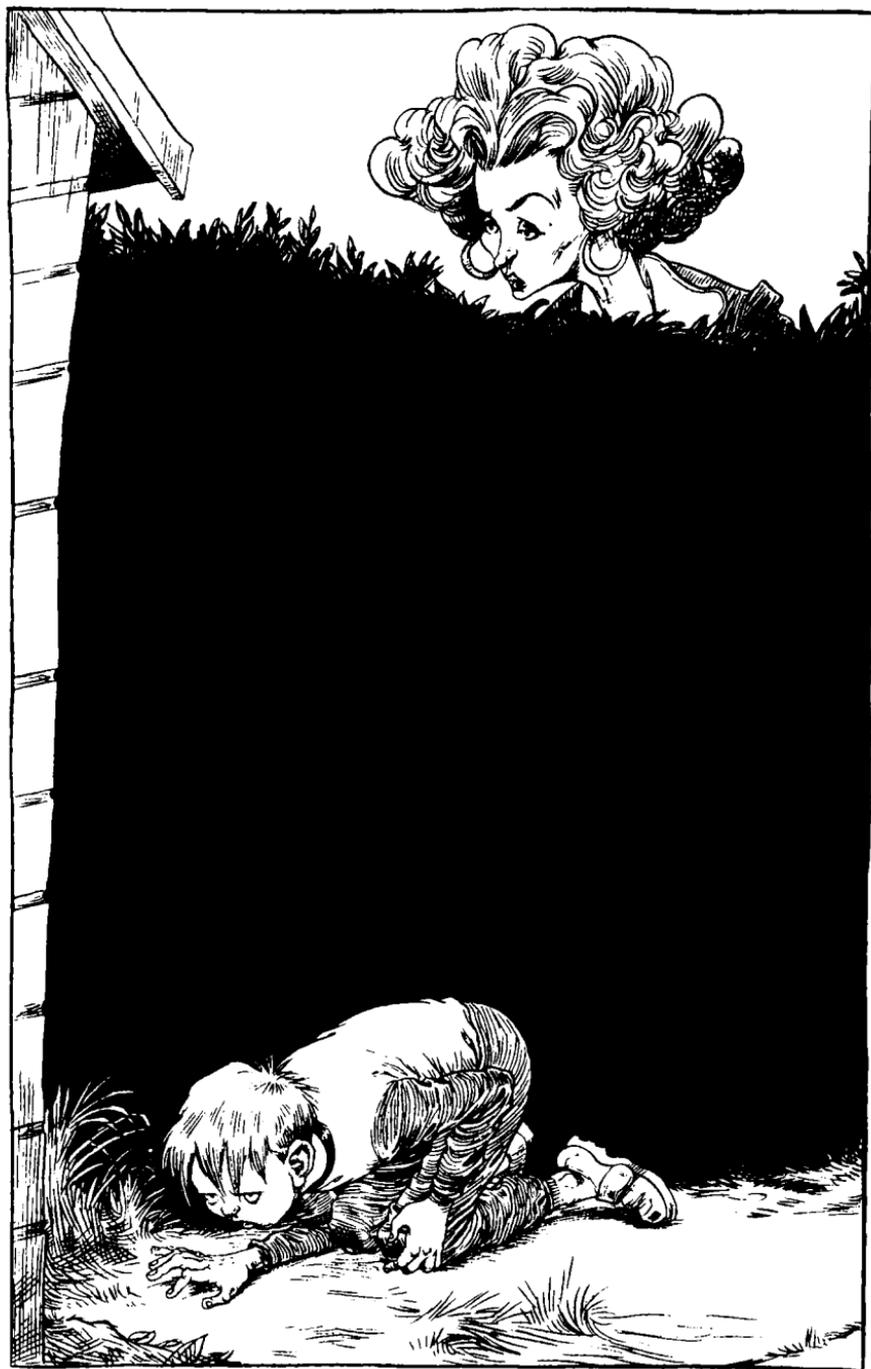
Миссис Эванс, соседка. Вильям что-то буркнул и снова стал вглядываться в изгородь. Если соседка будет смотреть, как ему разыскать шестерых волков? Остается надеяться, что миссис Эванс уйдет, пока ее не заметила Мэри.

— Киска потерялась, да, Вильям? — спросила миссис Эванс, высовывая голову из-за изгороди.

Вильям нагнулся еще ниже и притворился, будто глядит в щель между изгородью и сараем. Киска! За кого она его держит? Но намеков миссис Эванс не понимала. Она перегнулась через изгородь и заглянула в сад.

— Кис-кис-кис! — позвала она. — Кисонька! Кисонька!

С точки зрения Вильяма, теперь уж стараться было бессмысленно. Ни один уважающий себя волк не пойдет покорно в сарайчик, пока здесь имеется миссис Эванс, которая так и напрашивается на то, чтобы ее съели. Было ужасно жалко,

что Вильям никак не мог это устроить. Воображение способно завести нас очень далеко и там бросить. С другой стороны, можно попробовать...

— Миссис Эванс, это не киска. Это мои ужи. Понимаете, я выпустил их размяться, а они поползли сюда. Наверное, улизнули за изгородь. Вам их там не видно?..

Раздался визг, и миссис Эванс исчезла. Вильям в считанные минуты выманил первого волка из зарослей бирючины.

— Ах ты, нехороший волк! — возмутился он. — Нельзя есть миссис Эванс! Пока что. А ну, в сарай! И ты, и ты — тоже! Место, вы, оба!

Ага, с тремя волками мы справились. Осталось еще трое. Плюс ужи. Нельзя о них забывать. Наверное, миссис Эванс следит за каждым его движением из чердачного оконца.

Вильям взял из сарая большой горшок и пошарил в темноте под изгородью. Один уж. Два ужа. Три ужа, такие хорошенькие и шустрые. Вильям задумался, не притвориться ли, будто он поймал четвертого, но время поджимало, а дел еще оставалось по горло. Он вытер руки о штанины и отнес горшок обратно в сарай. Там он поставил его на верхнюю полку, подальше от волков.

Теперь нужно идти ловить остальных волков. Следующим пунктом в списке мест, где могли прятаться волки — наверное, два волка, решил Вильям, — была компостная куча. Вильям махнул рукой Мэри и зашагал через сад, прищелкивая пальцами.

— Эй, волки, где вы там, выходите! Ага!

Позади кучи лежала груда скошенной травы. Вильям присел на корточки рядом с ней и почесал воздух в том месте, которое, как он полагал, находилось на уровне волчьей головы.

— Ах ты, хороший волк, ах ты, красивый волк! Давайте-ка оба домой в сарай. Честное слово, это ненадолго!

Вильям прошествовал обратно через сад, чувствуя себя до мозга костей хозяином волчьей стаи.

Теперь оставался всего один волк. Пока Вильям ломал голову, где бы он мог быть, со стороны дома раздался резкий звук: это Мэри стучала по стеклу.

Вильям нетерпеливо замахал на нее руками — ТССС! — но стук стал только громче. Вид у Мэри был перепуганный, и она показывала на песочницу.

— НУ, ЧЕГО ТЕБЕ? — одними губами проговорил Вильям в полном бешенстве. На то, чтобы ловить невидимых волков, уходит уйма сил. Нет ничего хуже, когда тебя постоянно дергают.

— ОН В ПЕСОЧНИЦЕ, — проговорила в ответ Мэри из-за стекла.

У Вильяма от этой наглости перехватило дух.

— НЕТ! — И Вильям с сердитым видом зашагал к песочнице. — ГЛЯДИ! — Он приподнял крышку с одного боку и заглянул внутрь. Темно и ничего не разглядеть, но какая разница? Вильям уронил крышку обратно и поднялся. — ТАМ НИЧЕГО НЕТ!

Из-за окна на него глядели три лица, выразившие удивление и недоверие.

— Вильям! — Папа открыл окно. — Ты что, с ума сошел? Сейчас уже совсем поздно играть в песочнице! Сию же минуту домой!

— Посмотри на свои ноги! — добавила мама. — Ведь ты утром надел чистые брюки! Немедленно переодевайся и сложи всю одежду в корзину для грязного белья!

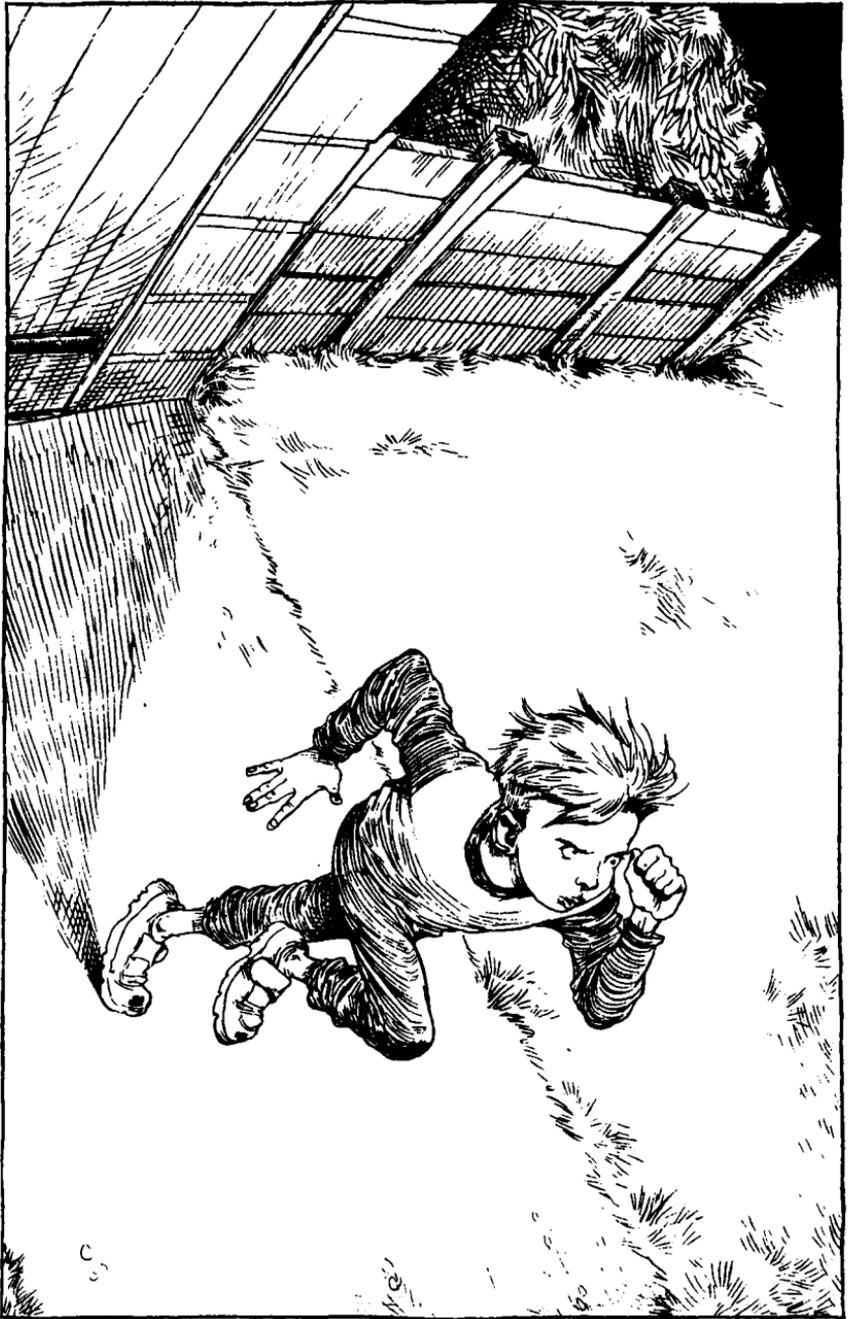

— Можно, я...

— НЕТ! — хором сказали родители.

Ну вот. Придется последнему волку подождать. Но ведь нельзя же оставлять открытой дверь сарайчика! Лучше уж пять волков, чем ни одного.

— Минуту! — Вильям ринулся по тропинке к сарайчику, пока никто не успел сказать ему

«нет». — Волки, ведите себя хорошо, — сказал он в темноту. — Завтра я к вам зайду, честное слово.

Что сказать ужам, он не знал. Спокойной ночи? Приятных снов? Что может сниться ужам?!

— Вильям!

— Иду! — Когда Вильям попытался закрыть дверь сарайчика, ее заклинило. Пришлось подналечь плечом, но и тогда она закрылась с трудом, заскулив при этом, словно дикий зверь. Обескураженный, Вильям задвинул засов.

— Быстрее! — снова крикнул папа.

Вильям бросился бежать.

Час спустя он лежал в темной комнате с открытыми глазами. На улице поднялся ветер. Деревья скрипели, листья шелестели, а где-то совсем недалеко хлопала дверь. Дверь?

Отбросив одеяло, Вильям встал на колени и отодвинул занавеску. С песочницы сдуло крышку, и теперь она валялась посреди сада. Дверь сарайчика в лунном свете ходила ходуном.

Опять сбежали!

Сердце у Вильяма упало, когда он подумал о том, сколько всего придется улаживать утром. Разве что встать пораньше и закрыть дверь, пока никто не обнаружил, что она открыта?..

Да, тогда все снова окажется под контролем. Только обязательно нужно пораньше встать.

Засыпая, он слышал, как воет ветер, и ему приснилось, что волки вырвались на свободу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не успел Вильям сомкнуть глаза, как проснулся оттого, что Мэри кричит ему прямо в левое ухо:

— Волки опять убежали!

— У? — Вот бы это был сон!

— Сарай открыт!

— А-а-у-хумпф? — Не просто сон, а настоящий кошмар!

— А с песочницы сдуло крышку, и их там нет!

— Аразвужутр? — Ничего более похожего на «разве уже утро?» Вильям пока произнести не мог.

— Я же говорила! — победно воскликнула Мэри. — Они могут быть где угодно! Пойду-ка посмотрю, как там Барашек.

— Фофанистый Бара... — вырвалось у Вильяма.

— *Знаю*, — отозвалась Мэри с порога. — А еще знаешь что? Шимпанзе вернулись! Они на шведской стенке. Я их видела!

— Что?! — воскликнул Вильям, проснувшись в одно мгновение. — ЧТО??

Начался новый день.

Когда Вильям с грехом пополам оделся, сунул ноги в ботинки и спустился вниз по лестнице на заплетающихся ногах, Мэри уже сидела за столом и завтракала. Голубая подушка лежала на стуле рядом с ней — на месте Вильяма. Он всегда там сидел.

Вильям поглядел на голубую подушку. Потом не спеша подошел к стеклянным дверям.

— Бедные шимпанзе, — сказал он. — Волки их, конечно, растерзали?

— Что? — Мэри отрывала от гренка хрустящую корочку, чтобы отдать Барашку. Она подняла глаза. — Нет, волки их не растерзали.

— А куда они делись? — Вильям изобразил удивление. — То есть сейчас-то их тут нет! — Он махнул рукой в сторону сада. Сад был пуст, с какой стороны ни посмотри.

— Прячутся, наверное. — Мэри отодвинула стул и подбежала к окну. — Посмотри-ка за...

— Убежали, — сказал Вильям очень твердо. — Увидели волков и убежали. Вот и хорошо: волки, наверное, ужасно проголодались, а на завтрак они больше всего на свете любят шимпанзе.

Последняя фраза ему самому не нравилась — он понимал, что волки не завтракают, — но нужно было выразиться четко и ясно.

Оказавшись в тупике, Мэри стала дерзить:

— А ты откуда знаешь?

— Это мои волки, — высокомерно сказал Вильям. — Я в этом разбираюсь. Ты все равно не поймешь.

— Пойму!

— Тогда ты поймешь, что шимпанзе не вернуться, ясно? — сказал Вильям. Он решил, что это настоящее злодейское хитроумие.

Но не учел сестрицыного упрямства.

— Еще как вернуться. Мы собираемся устроить чаепитие.

— Если они вернуться, их съедят волки! — рявкнул Вильям.

Мэри помрачнела. Но сдаваться она не собиралась.

— Всех не съедят!

— Еще как съедят! Всех до одного! И чайный сервиз тоже!

Раз уж ничем делу не поможешь, решил Вильям, пора бить из тяжелой артиллерии. Мэри до одури обожала чаепития.

— Ну и пожалуйста, — сказала Мэри. — Поставлю на стол тот сервиз, который мне не нравится.

И она ткнула пальцем в стопку желтых пластмассовых чашечек на дальнем конце стола.

Вильям онемел. А потом закричал:

— Это же я тебе подарил!

(Строго говоря, это была не совсем правда: мама купила сервиз накануне последнего дня рождения Мэри, о котором Вильям, как обычно, забыл. Вильям не выбирал этот сервиз, не упаковывал его, не платил за него, но, как полагала Мэри, мог это сделать.)

Он был глубоко уязвлен.

— Ну, это мой запасной парадный сервиз, — примирительно сказала Мэри. — Мне он почти нравится.

Она снова уселась за стол и принялась рвать на кусочки бумажные салфетки, чтобы приготовить из них угощение для чаепития.

Вильям взял папин стул и целых два гренка молча кипел. Когда он потянулся за третьим, то уголком глаза заметил на краю лужайки что-то маленькое и круглое. Цветочный горшок? Наверное, ночью его вынесло ветром из сарайчика. А почему он кажется таким знакомым? Ха! По спине пробежали приятные мурашки: Вильям вспомнил про ужей.

— Осторожно ходи по саду, ладно? — неприкрытым тоном уронил он, протягивая руку к масленке. — Я хочу сказать, там, знаешь ли, не только волки. — И он, насвистывая, намазал гренки маслом.

— Почему не только волки? — с интересом спросила Мэри. — Ты же говоришь, шимпанзе там нет?

Вильям сосчитал до десяти. Нельзя позволять загонять себя в тупик.

— Там еще ужи. Не забудь про них, ладно?

— Какие еще ужи?

— Мои, конечно. Я вчера рассказывал про них миссис Эванс. Ты же видела, как мы разговаривали, правда? Ну вот. Ужи были в цветочном горшке в сарае, а когда дверь открыло ветром, они расползлись. Наверное, спрятались на лужайке.

— Сейчас же пойди и поймай их, — проговорила Мэри.

— Мне некогда. — Вильям поднялся. — Не волнуйся. Я думаю, что это ужи. На всякий случай возьму в школьной библиотеке справочник и погляжу. Но, если они тебя укусят, обязательно скажи мне. Потому что если они тебя укусят, значит, они не это самое, в смысле, не ужи.

Когда Вильям в следующий раз проходил мимо двери, Мэри его уже поджидала.

— А что будет, если тебя укусит змея, которая не уж?

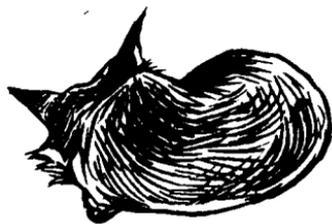
— Не знаю, Мэри. — Вильям нежно улыбнулся. — Ты мне все расскажешь. Ведь это ты будешь играть с ними в саду. — И он пошел складывать рюкзак.

— А волки едят змей? — спросила Мэри, когда он проходил мимо, чтобы забрать из кухни бутерброды.

— Только когда они съели всех остальных — шимпанзе, барашков и прочих, — небрежно бросил Вильям. — Ну ладно, мне пора. Передай мои горячие приветы Барашку и шимпанзе: вдруг с ними что-то случится, пока меня нет. И не забудь: мне нужно точно знать, что делают змеи, кого они кусают, где и как часто. Приятного чаепития, Мэри. До встречи после школы.

Но, когда он оказался на остановке автобуса, чувство триумфа несколько померкло. После школы опять нужно будет загонять волков, собирать змей, не пускать в сад шимпанзе. Это приключение на поверку оказалось службой с полной занятостью.

Все равно затраты оправдаются, думал Вильям, забираясь в автобус. Когда Барашек наконец получит свое, затраты оправдаются сполна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Следующие несколько дней прошли для Вильяма как в тумане: дни были отданы планированию, вечера — тяжкому труду. А трудился Вильям не покладая рук: волков нужно было накормить, ужей — напоить, шимпанзе — приструнить, Мэри — напугать. Дело спорится, думал Вильям. Определенно спорится.

— Только посмотри, что сделал один волк, когда я загонял его сейчас в сарай, — сказал Вильям вечером во вторник. Он театрально поморщился, подтягивая левую штанину. Его нога, которая никогда не представляла собой особенно привлекательного зрелища, сейчас выглядела хуже обычного, потому что в школе ему подставил подножку здоровенный четвероклассник по кличке Бруствер. Мэри об этом, конечно, не знала.

— Только посмотри, какие следы от когтей! А видишь вмятины — там, где он меня куснул? —

с упоением продолжал Вильям. — Конечно, он просто играл. Он не хотел сделать мне больно.

Мэри побелела.

— Просто играл, — пылко повторила она. — Это *хороший* волк.

— Это *очень* хороший волк. Они все такие. — Вильям опустил штанину и, довольный, удалился в свою комнату.

Однако на следующий день произошла странная история.

— Плохой Барашек! — воскликнула Мэри посреди завтрака. — *Не смей* кусать Тедди! Что это с тобой сегодня?

Вообще-то тревожиться тут было не о чем. Вот Вильям и не стал тревожиться, ни чуточки. И всю дорогу до школы только и делал, что ни чуточки об этом не тревожился.

— Гляди! — сказала Мэри, сунув Вильяму под нос руку, едва он вернулся домой после уроков.

Вильяму показалось, что рука совершенно целая. Он так и сказал и добавил, что у него полно дел и без тех, кто у него под носом руками машет, когда он только что вошел домой после школы, и что, если она будет так любезна отойти в сторону, он с удовольствием съест печенюшку.

— Барашек укусил меня! *Меня!* — трагическим тоном сказала Мэри.

Вильям зажмурился. Он попытался и уши зажмурить, но это было не так-то просто.

— А потом *скушал* Стивена! — Стивеном звали самого маленького плюшевого мишку в коллекции Мэри. — А когда я велела ему извиниться,

он сказал — ну его, этого фофанистого Стивена, я хочу кушать!

— Фофанистого? — переспросил Вильям. Не удержался.

— Это он сказал, а не я, — с укором ответила Мэри.

В этот миг Вильяму было особенно приятно думать, что дело у него спорится. Представить себе, что все обстоит наоборот, было невыносимо.

И вообще эта затея оказалась тем еще спектаклем. Воображаемые подносы с сырым мясом, которое ели волки... ведра воды... ужас, который они творили с клумбами, и ужас, который Вильям творил за них. Ему совсем не нравилось все это проделывать, он ничего не имел против нарциссов, но волки есть волки. В Сибири нарциссов нет.

— Если я еще раз увижу, как ты топчешь мои цветы, пеняй на себя! — закричал папа вечером в среду. — Я заплатил за эти луковицы больше десяти фунтов! А теперь погляди, что с ними стало!

— Это волки, — сказал Вильям.

— Прекрати нести чепуху! — сказал папа. И ни слова о том, какое у Вильяма богатое воображение и какая он отрада для родителей. Одни сплошные «держись подальше от моих клумб, а то лишу тебя карманных денег на месяц, и это только для начала». Как будто можно держать в небольшом садике шестерых волков и при этом не опустить немного планку... Теперь Вильяму ко всем его делам еще нужно было сделать так, чтобы волки смотрели, куда идут.

Вот ужи — это совсем другое дело, думал Вильям. С ужами дело иметь проще простого. Они не пускали в сад шимпанзе (и миссис Эванс), а ночью спали в песочнице. Мэри, судя по всему, не возражала, она даже оставляла крышку песочницы приоткрытой, чтобы ужи могли сами вползать и выползать по приставленной Вильямом наклонной дощечке.

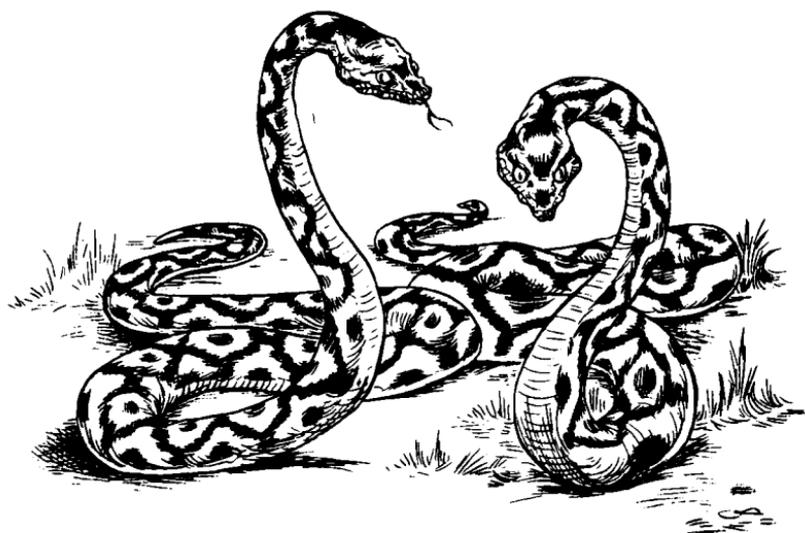
Утром в пятницу Мэри видела, как ужи по ней вползали. Вильяму пришлось сказать, что он тоже их видит, — прямо посреди завтрака. Если бы он этого не сделал, то потерял бы лицо.

— Фиолетовые змейки! — в восторге воскликнула Мэри.

— Нет, коричневые, — кисло возразил Вильям.

— Я и хотела сказать коричневые. Только погляди, какие они хорошенькие и шустрые!

Вильям с удовольствием сказал бы, что они и не шустрые тоже, но не мог: змеи шустрые. Это совершенно отбило у него аппетит к кукурузным хлопьям.

Когда он уже собрался уходить, к нему полезла с нотациями мама.

— Вильям, мне нужно с тобой поговорить.

Не было печали...

— Мне надоела вся эта чушь насчет У-Ж-Е-Й, — сердито прошептала мама. — Из-за тебя ей снятся страшные сны.

— Из-за меня? Очень смешно. — И Вильям гулко расхохотался.

— Смеяться тут нечего. Если бы у тебя была хоть крупица воображения, ты бы сам это понял. Ты постоянно твердишь о волках. Притворяешься,

будто видишь змей. Просто не понимаю, что с тобой творится в последние дни!

— Значит, ей можно видеть всякое, а мне нельзя? — закричал Вильям. — Нельзя, да?

— Она — это совсем другое дело! Она же увлекается! Она сочиняет истории и сама в них верит! С тобой же все не так, правда, Вильям? Ну?

Вильям глянул на маму исподлобья. А мама продолжала:

— Уж не скажешь ли ты, будто веришь во все эти дурацкие истории, которыми забиваешь ей голову?

Вильям ушам своим не поверил. Дурацкие?! Он был так изумлен, что утратил дар речи.

— Пора положить этому конец, — закончила мама уже спокойнее. — А теперь беги, а то на автобус опоздаешь.

Вильям поплелся по тропинке. Перестать видеть красавцев волков?! Да ни за что на свете!

Погоди-ка, сказал голос, прятавшийся у него где-то внутри. Ты ведь на самом деле никогда их не видел, правда? И змей тоже, если уж на то пошло. Их видела Мэри. Если сейчас все прекратить, то она и в этом тебя обойдет и первой увидит и волков тоже.

Нет, этого нельзя допустить. Это Вильям решил твердо. Он увидит волков при первой же возможности. Прямо сейчас. Сегодня же утром.

— А потом я и ужей увижу. Покажу им, у кого воображение лучше, — угрюмо бубнил Вильям. — Всем покажу!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В автобусе Вильям сел у окошка на втором этаже, чтобы легче было высматривать волков. Правда, насколько он мог судить, ничего сложного в этом нет. Все, что требуется, — это воображение, а воображения у него, Вильяма, столько же, сколько и у Мэри. А может, и больше. Настало время это доказать.

Вильям припал к окну и прищурился. Где скорее всего окажется лесной волк ясным майским утром? Нет, не в бассейне, там ужасно холодно. Тогда на трамплине? Загорать там — одно удовольствие. Вильям прищурился еще сильнее и стал с надеждой всматриваться в трамплин. Он так и видел, как на нем растянулся волк — лапы свесились, глаза полужакрыты...

Видел, да не совсем. Автобус со скрежетом перешел на первую передачу. Не стоит себя обманывать. Вокруг бассейна было пусто.

И на стоянке у супермаркета тоже. Вильям так усердно высматривал волков под громадным фургоном, что глаза у него съехались к переносице, и сидевшая рядом дама пересела подальше. Ничего. Ну ладно, в супермаркетах ничего интересного нет. Неудивительно, что волки их сторонятся. Но найдутся ли по маршруту автобуса места получше?

Несколько отчаявшись, Вильям стал силой воли приказывать волкам немедленно возникнуть на ступенях у входа в Городской совет. Ну да, положим, ничего особенно увлекательного там нет, но ведь это его волки, и они ему кое-чем обязаны!

«Ну на минутку, — безмолвно молил он. — На чуть-чуть — и все. Легкая пробежка стаей по ступеням. Вы же мои, правда? Так покажитесь. Разве это много?»

Оказалось много. Вильям глядел, пока у него не заболела голова и не заслезились глаза. Ничего. Ни шерстинки.

Вот спасибо, горько думал Вильям, когда автобус затрясся по Хай-стрит. Когда-нибудь я вам тоже такое устрою.

Он закрыл натруженные до боли глаза — не потому, что сдался, вообще нипочему. Он еще не закончил. И был твердо намерен увидеть этих волков любой ценой, любой...

И вдруг Вильям окаменел. Они появились — безо всякого предупреждения! И совсем не шестеро — двадцать, пятьдесят, скорее, даже сто... А кто это там с ними? Вильям еще сильнее зажмурился. Ой, правда, неужели?..

Да! С волками был он сам. Он, Вильям!

Вильям увидел, как он сам летит в санях и гонит коней по заснеженной равнине, а волки рекой текут за ним, словно воинство, дикие и свободные. Щелк — одно прикосновение к кнопке, о наличии которой у себя Вильям даже не подозревал, — и вот он уже смотрит с балкона в замке, а его воинство во внутреннем дворе поднимает морды к луне и воет. Щелк! Перед ним — пиршественный стол в огромной зале, и факельное пламя отбрасывает на стены гибкие волчьи тени.

— Эй, парнишка, просыпайся! Покажи-ка билет! Мне некогда тут с тобой возиться!

Вильям, не открывая глаз, полез в карман за билетом. Вдали грозно зарычал волк. Эх, контролер, контролер, не знаешь ты, с кем разговариваешь. Один глаз все-таки пришлось открыть — чтобы проверить, тот ли это билет.

— Ну, наконец-то! — Контролер свирепо засопел и пошел дальше. — Ваши билеты, пожалуйста!

Снова оставшись один — насколько это возможно в автобусе в час пик, — Вильям закрыл глаза и нащупал тайную кнопку. Щелк. Но вместо замка у него получился всего-навсего большой дом, напоминавший Городской совет. Балкон выходил на Хай-стрит. Нигде не было ни волка. Вильям огорошенно открыл глаза. Видимо, люди, наделенные воображением, должны привыкать к постоянным неудачам. Наверное, даже Мэри не всегда может видеть, что хочет. Но при таком блистательном начале это было досадно.

Выехав из центра города, автобус стал набирать скорость. Вильям не замечал, как мимо проносятся дома и магазины, пока не обнаружил, что смотрит на парк с ухоженными газонами, подстриженными деревьями и пустынной детской площадкой. Единственным человеком в поле зрения был садовник с граблями. Вокруг горки бродили, принюхиваясь, две немецкие овчарки.

И тут — и произошло это с такой скоростью, что Вильям даже не был уверен, видел ли он что-то на самом деле, — как только автобус поравнялся с собаками, они подняли головы и посмотрели на Вильяма желтыми глазами. Собаки? Вильям мигнул, и они, словно по сигналу, повернулись и помчались по траве к человеку с граблями.

Автобус уже отъезжал от площадки. Вильям вывернул шею и увидел, что звери с чудовищной скоростью летят к цели. Садовник их заметил. Он уронил грабли. Он полез на дерево. Автобус свернул за угол. Они пропали из виду.

— На кого ты там глядишь? — спросила девочка с соседнего сиденья, четвероклассница. — Веди себя прилично!

Вильям сел прямо, пытаясь собраться с мыслями. Это было? Он вообще это видел? Да, кажется. Кажется? Точно! Он, и никто другой, действительно *видел* волков!

По крайней мере двух. Вильям чувствовал, что лучше было бы увидеть всех. Тогда бы можно было считать инцидент исчерпанным. Нужно смотреть дальше.

И вот когда автобус остановился у следующего светофора, Вильям их увидел: они в переулке исследовали тележку молочника.

С какой легкостью они уворачивались от бутылок, которые кидал в них молочник, как красиво они изгибались и прыгали, то и дело приостанавливаясь, чтобы попить из водостока. Они виляли хвостами. Они наслаждались жизнью. Насчет молочника Вильям уверен не был. Последний ящик бутылок подходил к концу, а волки наступали. Наступали... Загорелся зеленый свет.

На остановке у школы Вильям спустился по ступенькам вместе с толпой соучеников и спрыгнул на землю. На полпути ко входу для младшеклассников Вильяма осенила занятная мысль. Он оглянулся через плечо.

У школьной ограды стоял волк. Два волка... три. Пока Вильям раздумывал, подкрались и остальные — они свесили языки и отряхивали брызги молока. Последний волк тащил сумку молочника. Когда он увидел Вильяма, то уронил сумку и, поскуливая, встал у перил на задние лапы.

Вильям понял, что нужно волку.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Но больше чтоб никаких шалостей. Ясно?

Прозвенел звонок. Вильям придержал дверь, чтобы пропустить волков, и вошел следом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Управляться с целой стаей воображаемых волков гораздо труднее, чем вы думаете, — во всяком случае, труднее, чем думал Вильям. Теперь он видел волков. Другие люди их не видели. С этим спорить не приходилось.

Первые трудности — цветочки, а не ягоды — начались, когда Вильям в коридоре у двери в класс налетел на Бруствера, здоровенного и страшного. Вильям сделал то, что сделал бы на его месте каждый — а иначе зачем человеку волки?

— На старт... — шепнул Вильям. — *Взять его!*

Волки молнией рванули с места. Воображаемый Бруствер тоже молнией рванул с места, визжа, вопя и ругаясь.

Это была восхитительная погоня — по лестницам, по коридорам, через всю библиотеку. Один волк на бегу умудрился куснуть миссис Раттиган, грозу всей средней школы, — Вильям издал

победный клич. И они понеслись дальше, разметывая учителей, словно осенние листья. Даже жалко, что Бруствер так скоро оказался загнан в угол кабинета химии, на застекленный стеллаж с доисторическими бунзеновскими горелками. Хрясь! Стеллаж сложился. Бруствер съехался на груде обломков, а его преследователи приблизились, тяжело дыша...

— Смотри, кого пихаешь, Джонсон!

Вильям от неожиданности заморгал. Настоящий Бруствер выразительно помахивал здоровенным кулаком с выпирающими костяшками.

— А то гляди, тебя самого как пихнут... — Он показал как. Вильям пошатнулся. — Да с довеском!

— Ай!

Ну куда эти волки исчезли, как раз когда они ему понадобились? Понятно куда — далеко-далеко разрывают свою воображаемую жертву в клочки. А между тем настоящий Бруствер одерживал победу одной левой.

— А что ты на это скажешь?!

Бац, бац, БАЦ! Вильям врезался в стену, в дверь класса, в пол — все это было настоящее. И спасли его не волки, а мистер Тернер, учитель его класса. К тому же на спасение это похоже не было. Даже в мирном расположении духа мистер Тернер не столько говорил, сколько орал. Да и вообще он никогда не бывал в мирном расположении духа.

— Эй, мальчик, ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ? Это что, физкультурный зал? Или цирк? Или ВАРЬЕТЕ?

Ты что, СОВСЕМ с ума сошел? Почему ты мне не отвечаешь? Что с тобой такое?

— Дыхание перехватило, — тихонько выдавил Вильям.

— Дыхание перехватило, СЭР! — проревел мистер Тернер.

Окна в классе задребезжали. Двумя этажами ниже директор подскочил, словно испуганная лань, и пролил свой травяной чай. В далеком кабинете химии волки прижали уши и разбежались кто куда. Смотреть, куда они побежали, Вильяму было некогда. Мистер Тернер снова заорал:

— И ПОЧЕМУ это, интересно, у тебя перехватило дыхание? А я скажу тебе почему. У тебя перехватило дыхание, потому что ты, как и другие дети в этом классе, находишься в отвратительной физической форме. В твоём возрасте я каждое утро до завтрака пробегал пять миль. Я мог отжаться пятьдесят раз. А ты можешь отжаться пятьдесят раз? Попробуй-ка! Лечь на живот, упор на уровне плеч. Так! Теперь выпрями руки. Посмотрим, в какой ты форме!

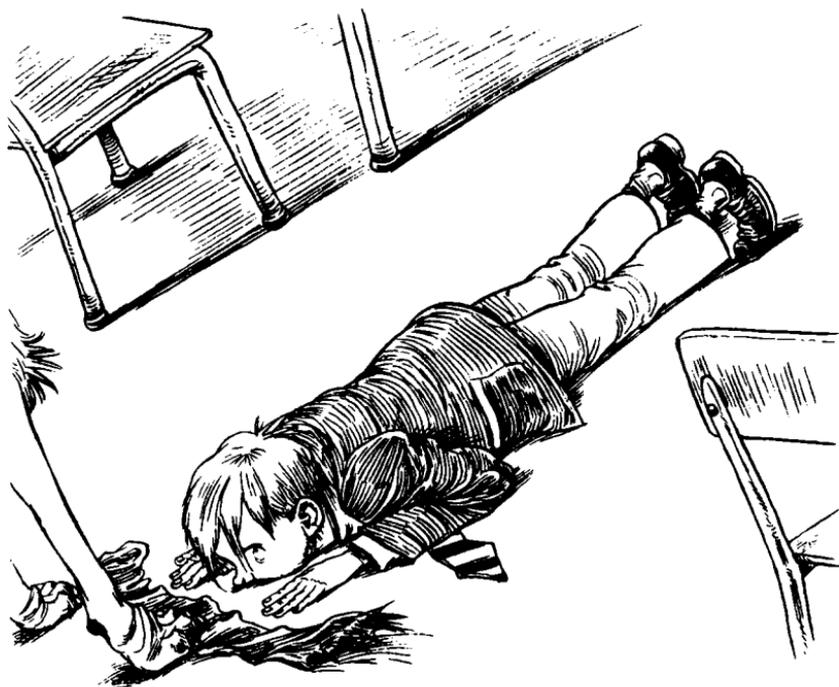
Вильям сверхчеловеческим усилием выпрямил руки. Пол тут же ушел вниз. Ага, значит, я в отвратительной форме? Я вам покажу. Но после второго отжимания Вильям оказался глаза в глаза с волком. Волк вильнул хвостом и уронил что-то на пол под носом у Вильяма — это оказалась полоска ткани, совершенно изодранная и изжеванная, вся в кровавых пятнах. Рукав от блейзера? Это был блейзер Бруствера! Пол с ужасающей внезапностью поднялся и больно стукнул Вильяма в нос.

— И это, по-твоему, отжимание? — издевательски захохотал мистер Тернер. — Да у вас ни у кого нет мускулов! Неудивительно, что всю зиму мы не могли выиграть ни одного волейбольного матча!

— Я де игдаю в водейбод, сэр. — Нос у Вильяма болел. Волка видно не было. Куда он подевался?

— Ничуть не удивляюсь! В таком состоянии, в котором ты сейчас, тебя не взяли бы даже в команду по домино! Ладно, как-тебя-там, нечего лежать тут и сопеть. Садись на место. Ты опоздал.

Вильям поплелся на место, изрядно встревожившись. Все шло совсем не так, как он ожидал. Волки сейчас тут, а через минуту где-то далеко.

На зов не приходят, зато появляются, когда их не звали. Тут кто угодно занервничает. Нужна была передышка, чтобы собраться с мыслями.

Изо всех сил сосредоточившись, Вильям закрыл глаза и представил себе, как волки тихонько отдыхают себе там, где их никто не побеспокоит, например за сараем со спортивным инвентарем или в справочном отделе библиотеки. Если удастся, так сказать, припарковать их там до перемены, можно успеть разобраться, что происходит. Вильям еще сильнее зажмурился.

— Эй, на задней парте, не спи! Я ТЕБЕ говорю, мальчик!

Вильям открыл глаза. На него свирепо глядел мистер Тернер. На мистера Тернера свирепо глядел волк.

— Эй, мальчик!

Волк утробно зарычал и, напружинив ноги, подкрался к ноге мистера Тернера. Это было уже слишком. Вильям сложился на стуле пополам и постарался исчезнуть.

— ЧТО С ТОБОЙ, мальчик? Тебя что, колорадский жук поел? Или галстук застрял в штанах?

Слегка вспотев, Вильям чуточку распрямылся.

— Смотри на меня, когда я к тебе обращаюсь, мальчик! Что скажешь в свое оправдание? Ничего? Тогда впредь будь повнимательнее. Я за тобой наблюдаю!

Мистер Тернер стал наблюдать за Вильямом. Вильям стал наблюдать за волком. Волк жевал то, что осталось от блейзера Бруствера. Из них троих волку было лучше всех. Хвост елозил туда-сюда

по полу, при каждом взмахе поднимая облачко пыли. Мах-пуфф. Мах-пуфф. Надо бы почаще пол подметать, подумал Вильям. Хотя волк наконец-то успокоился. Может быть, именно это ему и нужно... именно это и нужно им всем. Немного покоя, немного понимания...

Звонок грубо рассеял его мечты.

— ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ, — возопил мистер Тернер, подобно гласу рока.

Волчий хвост замер.

— Строимся за мной и выходим в полной ТИШИНЕ! Тебя, Вильям, это тоже касается, ЕСЛИ БУДЕШЬ ТАК ЛЮБЕЗЕН!

Мистер Тернер направился к двери. Делая третий шаг, он всей своей массой наступил волку на хвост. Визг, рык, топот — и волк вылетел в коридор, как ракета. Остановить его Вильям не мог.

— Вильям, идешь ты сегодня на собрание или нет? Тогда ПОЖИВЕЕ! Благодарю! Ну, если все наконец готовы — шагом МАРШ!

Выбора не было. Обуреваемый мрачайшими предчувствиями, Вильям вышел из класса.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вспомнить остаток этой пятницы Вильяму было трудно. Но и забыть ее он так и не смог, как ни старался. Бывают вещи, которые так просто не забудешь.

Вот, например, волки на общем собрании — как они жевали шнурки мистера Тернера... устроили в гардеробе старшеклассников засаду на опоздавших... шныряли за занавесом позади кафедры, с которой директор делал объявления... Еще был вой, который раздался, стоило мисс Симмс заиграть «Как чудесно и прекрасно», грозное наступление на рояль... его, Вильяма, собственная убийственная паника... Потом была беседа с директором... вопросы без ответов.

— Вильям, ну что тебе сделала бедная мисс Симмс? Если уж на то пошло, что она сделала кому бы то ни было? Может, она и не лучшая пианистка в мире, но она же старалась как могла! А ты? Эти нелепые прыжки! Крики «Пошли вон!»

в нескольких дюймах от ее левого уха посреди третьего куплета! Она пошла вон, Вильям, и лично я не могу ее за это винить. Какая муха тебя укусила, Вильям, что ты начал вести себя таким несусветным образом? Ах, тебе очень жаль? От души надеюсь, Вильям, что это действительно так. От души надеюсь.

Директор все говорил и говорил, и Вильям просидел у него всю первую перемену. Большую перемену он тоже пропустил, но директор тут был ни при чем.

— Вильям, на сегодня я достаточно от тебя натерпелся, — сказал мистер Тернер. — Это что, такое чувство юмора? А если нет, что ТОГДА?

Вильям ничего не ответил. В данных обстоятельствах это казалось ему наилучшей стратегией.

— Отлично, давай вспомним все по порядку. — Когда мистер Тернер начинал говорить так спокойно, это ничего хорошего не сулило. — Была середина пятого урока. Деление в столбик. Все нормально, кроме твоего поведения, если не ошибаюсь. Солнышко светило, птички щебетали, и если и можно было на что-то пожаловаться, так, пожалуй, только на некоторую духоту в помещении. Ты меня слушаешь, Вильям?

Вильям кивнул. Пока ничего страшного.

— Великолепно. И вот из-за некоторой духоты я решил открыть окно. Я направился к окну у моего стола и распахнул его. И вот тут-то ты и вступил, правда, Вильям?

Вильям снова кивнул — уже не так бодро. Нечего закрывать глаза на факты. Правда.

— По некоторой причине — по какой именно, тебе самому лучше знать — ты выбрал именно этот момент, чтобы в полный голос закричать «Берегитесь!». Так поведай мне, зачем ты это сделал, а, Вильям?

Долю секунды Вильям размышлял, не сказать ли ему правду: знаете, сэр, к вам со спины подкрадывался волк, и я забеспокоился, как бы чего не вышло... Нет, об этом и речи быть не могло.

— Я просто хотел сказать, что вам следует вести себя осторожно, сэр.

— Я вел себя осторожно, Вильям. Пока ты не закричал, я вел себя предельно осторожно. И лишь когда ты закричал, я резко выпрямился и ударился головой об оконную раму. И прежде чем провести всю большую перемену в больнице, где мне наложат швы, я хотел бы знать, О ЧЕМ ТЫ ДУМАЛ, А?????!!! Ты можешь хоть ЧТО-ТО сказать в свое оправдание?

На тот момент сказать Вильяму было нечего.

Но потом, когда он на большой перемене писал: «Прежде чем говорить, нужно сначала подумать» — двести пятьдесят раз, он был готов сказать — прекрасно, а как же волк? Ему тоже пришлось несладко. Ему опять все оттоптали. Он до сих пор хромает. Вильям видел, как тот зализывает лапу и рычит, забившись под стол мистера Тернера. И нельзя было сказать, что он так и сияет от счастья.

Но к концу учебного дня от счастья не сиял никто, а особенно Вильям.

Обычно футбол ему очень нравился. Играл он хорошо. Но не сегодня.

— Играем! — закричал мистер Поттер и дунул в свисток.

Вильям застыл как вкопанный. Волки — играть? Но даже сейчас он не мог не восхититься грацией, с которой они подкрались к мистери Поттеру, пока тот наставлял запасного вратаря: какая слаженность, какой великолепный командный дух! Ага! Мистер Поттер тоже их заметил! Поздно!

Кольцо волков сжималось — все теснее, теснее... Мистер Поттер сделал героическое усилие и прыгнул на перекладину ворот. Да! Он там. Он спасен!

Отступившись от первой жертвы, волки двинулись к кучке мальчиков, которые в ужасе теснились на дальнем конце поля. Кто же придет к ним на помощь? Вильям.

Одним своим присутствием прекратив всяческую панику, Вильям велел всем снять наголенники, а затем встать в круг лицом наружу. Заслоняясь от волков наголенниками, футболисты стали бочком пробираться в раздевалку. Осталось всего несколько ярдов, всего несколько дюймов...

— ВИЛЬЯМ!

— Да, мистер Поттер, — рассеянно отозвался Вильям.

— Ты пропускаешь уже третий пас! Что с тобой?

Настоящий мистер Поттер был в ярости. Настоящие футболисты вовсе не смотрели на Вильяма с восхищением. Настоящий Вильям героем не был.

Когда игра закончилась, он уже не был даже и футболистом.

— А все вы виноваты! — сказал Вильям волкам, когда плелся в раздевалку, сытый всей этой историей по горло. — Убирайтесь!

Волки заморгали желтыми глазами и юркнули в школьную дверь, поджав хвосты.

— Ну что же мне сказать тебе, Вильям? — говорил директор полчаса спустя. — Что мне сказать?

Вильяму было уже все равно.

— Сначала утренний инцидент с мисс Симмс. Потом несчастный случай с мистером Тернером. А теперь еще и это!

Хорошо хоть он не знал ничего о футболе.

— Мне думается, это было преднамеренно, — сверкнула на Вильяма глазами сидевшая рядом с директором мисс Раттиган. — Он нарочно бросился мне под ноги, и в результате я облилась кофе!

— Ну что, Вильям?

— Я нечаянно.

— Ему не было абсолютно никакой необходимости кидаться мне наперерез. Коридор перед ним был свободен. Навстречу никто не шел.

Вильям поднял глаза и тут же снова опустил их. Объяснять про волка бессмысленно. Он так неожиданно выпрыгнул из учительской, волоча за

ногу мистера Поттера. Конечно, Вильям отскочил в сторону миссис Раттиган. Кто угодно бы отскочил. В пятницу в четверть четвертого ничего подобного как-то не ожидаешь. Но кто же ему поверит? Не миссис Раттиган и не директор.

— Ты меня огорчаешь, Вильям. Очень огорчаешь. До сегодняшнего дня ты казался таким благоразумным, таким уравновешенным. У тебя какие-то неприятности? Может быть, дома?

Вильям представил себе, что будет, если он упомянет Барашка. Нет, все это слишком сложно. Директору не понять.

— Нет, сэр.

— Тогда, Вильям, хватит этой чепухи. Извинись перед миссис Раттиган и иди домой. И в будущем веди себя лучше. Ты меня понял?

— Да, сэр.

Шагая через спортивную площадку, Вильям мрачно пинал перед собой пустую бутылку из-под лимонада. Он пропустил перемену. Не успел поесть. Опоздал на автобус. Потерял место в футбольной команде. Не день, а сплошные напасти. Значит, в будущем надо вести себя лучше? Похуже было бы гораздо труднее.

Бутылка ударилась о ворота и отскочила в сторону автобусной остановки. Вильям рассеянно проводил ее глазами. Насколько он мог судить, вокруг так называемого воображения поднимают слишком много шума. Его до смешного переоценивают. Что касается Вильяма, то он был готов под присягой заявить, что от воображения бывают только беды. При первой же возможности

он намеревался избавиться от него раз и навсегда.

Но пока что навсегда было нельзя. Во-первых, оставались еще кое-какие недоделанные дела: корень зла, причина всех несчастий...

— Барашек! — прошипел Вильям. Пробил час окончательной расплаты.

Подъехал автобус. Вильям в глубокой задумчивости протолкался через стаю усталых волков и залез внутрь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На остаток дня планы у Вильяма были простые. Отдохнуть. Перекусить. Устроить небольшой спектакль для Мэри. А потом — прости-прощай, Барашек. Направляясь к дивану, Вильям улыбался.

Мэри взвизгнула:

— Не садись туда!

Улыбка у Вильяма застыла.

— Это место Барашка, да? — устало процедил он. Да, чем быстрее волки возьмутся за дело, тем лучше — это несомненно. Без Барашка мир станет лучше и чище.

— Нет, не Барашка. Под подушкой лежат ужи. Не под этой, под красной. *Не заглядывай!* Они спят.

И без ужей тоже, решил Вильям, рухнув на стул. Но ужи подождут. Сначала Барашек. Начать нужно с определения местонахождения голубой подушки. Тщательно следя за непринужденностью

тона, Вильям задал Мэри соответствующий вопрос.

— Барашек? Он гуляет, — ответила Мэри.

— *Гуляет???* — Вильям ушам своим не поверил. Какая беспечность, какая, в сущности, глупость!

— Играет в сарае.

— Но как же волки? — закричал Вильям. — Немедленно заведи его оттуда, дурочка!

— Не могу, — заявила Мэри, так и встрепенувшись. — Мне страшно. Я думаю, волки вот-вот придут.

— Нет!

— Нет, придут, нет, придут! — Мэри заломила руки — довольно неплохо для человека с таким скудным опытом. — Они скушают Барашка с чаем, всего-всего! Даже копытца!

— Нет! — В этом Вильям не сомневался. Не для того же, в конце концов, он столько вынес, чтобы позволить Барашку погибнуть по дурацкой случайности — нет уж! Какая в этом радость? — Волки не пьют чай!

Но Мэри его не слушала.

— Ладно, — сказал Вильям, потеряв терпение. — Я тебе его принесу. Но только один раз, ясно? Меня волки не тронут.

И все равно войти в полумрак сарайчика ему было как-то странно и не очень-то приятно. Подушка лежала под тачкой на полу. Когда Вильям подбирал ее, у него сложилось впечатление, будто на него рыкнули. Он поспешно ретировался.

Дверь почему-то не закрывалась. Возясь с засовом, Вильям заметил, как в кустах поблизости зашуршало. Кот, наверное, решил Вильям. Крупный кот. То есть, конечно, скорее пес или даже... Вильям махнул рукой на засов и метнулся в дом.

Он отдал Мэри подушку, присовокупив лекцию о том, что впредь нужно как следует присматривать за Барашком.

— Нельзя заставлять других бегать спасать его, — строго закончил Вильям. — Ты сама за него отвечаешь.

— Да, Вильям.

Вильям выселил красную подушку с дивана и улегся. Планы касательно Барашка требовали некоторых завершающих штрихов. Теперь Мэри будет начеку, и отвлечь ее от Барашка на достаточно долгое время, чтобы волки успели сделать свое дело, будет трудновато, но как раз против этого Вильям не возражал. Это давало ему больше простора для коварства. По части коварства Мэри не могла с ним тягаться. Глаза у Вильяма закрылись.

Звук, который его разбудил, был Вильяму знаком, хотя поначалу он и не понял, что это такое. Тяжкое протяжное «ш-шу» — как будто мебель двигают. Вильям сел.

Мэри стояла у двери на террасу. А, вот что это был за шум. Наверное, пока Вильям спал, Мэри открыла дверь, сбегала наружу и вернулась. Зачем это, удивился Вильям. Он зевнул и побрел к двери.

— Волков видела? — спросил он.

— Пока нет. — Мэри не отрывала глаз от сада.

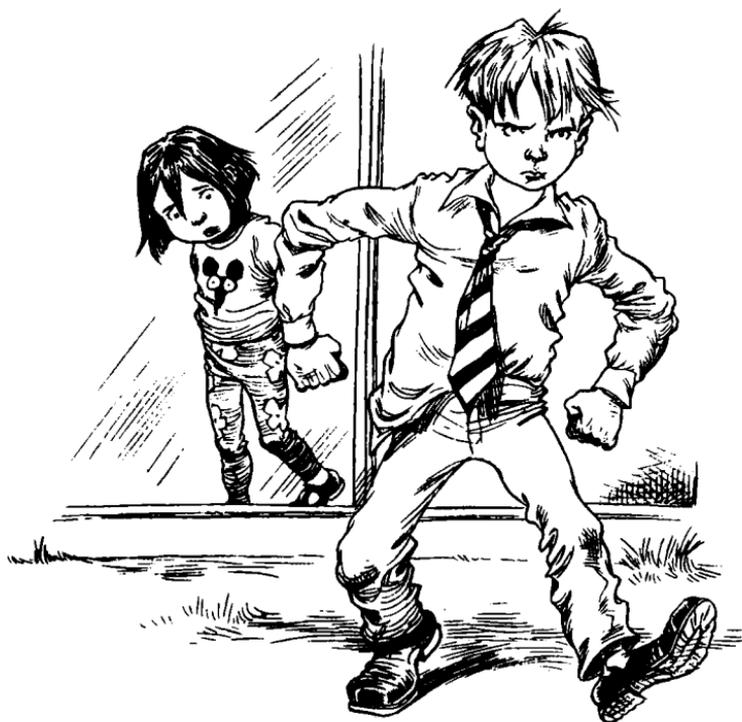
— Они там, — мрачно проговорил Вильям. Ну и у кого тут нет воображения? — Разве не видишь того, который высовывается из двери сарая? А того, который на компостной куче? Что, и того, который в розовых кустах, тоже не видишь?!

— В каких кустах?

— В дальних. Смотри, куда я показываю. У самых нарциссов, там, где... — Вильям в ужасе осекся.

— Ты хочешь сказать, там, где Барашек? — уточнила Мэри. — Где голубая подушка?

— Как ты его упустила? — закричал Вильям. — Ты что, пяти минут за ним посмотреть не можешь?!

— Он вырвался.

— Вырвался! — Вильям дрожащими руками отодвинул щеколду. Времени было в обрез. Волк в любую секунду может заметить Барашка и погубить план возмездия, который Вильям так лелеял. — Я в последний раз тебе помогаю, поняла? Это твой Барашек, а не мой. В следующий раз спасай его сама, ясно тебе?

— Да, Вильям.

Вильям закрыл дверь за собой и, кипя, зашагал через сад. Некоторым людям нужно запретить держать животных. Подумать только, как Мэри обращается с Барашком! Кормит его совершенно неподходящей пищей. Мятные леденцы, шоколадки... Разрешает ему целый день валяться перед телевизором. Неудивительно, что он потом всех кусает. Пресыщенное, жалкое создание! А теперь его покинули, выбросили, словно дырявую перчатку! Да уж, кого-кого, а Мэри нельзя было благодарить за то, что в эту самую минуту Барашка не терзают в клочки свирепые волки!

Вильям нагнулся, чтобы взять подушку, уютно устроившуюся среди сырой травы. Один угол у подушки был в грязи и паутине из сарайчика. Вильям протянул руку, и тут случились две вещи.

Сначала завизжала Мэри. Потом из-за компостной кучи выпрыгнул волк. Правда, не исключено, что все было наоборот: сначала волк, а потом уже визг. В этом Вильям так и не разобрался. Так или иначе, в сочетании эти два события заставили Вильяма помчаться по тропинке к дому, как ракета.

Мама бежала еще быстрее. Когда Вильям отправился в сад, она была в кухне. Теперь Вильям увидел, что она сидит на диване, держа Мэри в объятиях.

— Что здесь происходит? — сердито спросила мама, когда Вильям влетел в стеклянную дверь с такой скоростью, словно его преследовали все силы ада. — Если ты опять морочил ей голову всякими глупостями...

— Я вообще ничего не делал! — закричал Вильям. — Спроси у нее! Меня тут вообще не было, правда? Я был в саду, бегал за голубой...

Он осекся. И понял, что подушку-то он и не принес. В руках у него ничего не было.

Мэри подняла заплаканные глаза.

— Вильям! — прерывисто проговорила она. — Вильяма съели волки!

— Да нет же! — Вильям был озадачен и несколько тронут. Он и не знал, что Мэри так за него беспокоится. — Я здесь. Я цел. Посмотри!

— Да не ты! Барашек! Это Барашка звали Вильям! — И Мэри снова заревела и зарылась лицом в диван.

Барашка звали Вильям? Вильям pokrutil эти слова в голове так и этак, пытаясь понять, что же это значит.

— Надеюсь, ты доволен, — свирепо прошипела мама. — Я тебя предупреждала!

Ответить Вильяму было нечего. От потрясения он потерял дар речи.

Барашек — Вильям? Мэри назвала Барашка в его честь? Вильям прижался головой к стеклу.

Он страшно устал. Голубая подушка валялась на траве там, где он ее оставил. Волки ушли. Мэри у него за спиной продолжала плакать — Вильям понял, что она оплакивает Барашка. Она его любила. Она любила... Вильяма.

Вильям подошел к дивану.

— Не плачь, Мэри. Барашек цел. Волки его не тронули.

— Нет! Я же видела! Я поэтому и закричала! Они его съели! Они съели Барашка! — Слезы текли у Мэри по щекам и капали на диван. — Они съели... ВИЛЬЯМА!

— Да нет же, — повторил Вильям. — Я же там был, помнишь? И все видел. Его... — Вильям поперхнулся: ведь ему предстояло поступиться всеми своими принципами. — Его спас шимпанзе. Он прыгнул вниз и выхватил Барашка из-под самого носа у волка. И поднял его на крышу сарая.

— А там? — с надеждой всхлипнула Мэри. — А там что?

— А там они пили чай, — деревянным голосом закончил Вильям. — Все шимпанзе и Барашек.

— Из желтого сервиза?

— Из желтого сервиза. — Вильям сжал зубы, готовясь к неминуемой обиде.

— Это мой любимый. — Мэри взяла у мамы платок и деловито высморкалась. Мама ушла обратно в кухню. — А завтра они будут пить чай?

— Нет, — отрезал Вильям. Хорошенького понемножку. — Шимпанзе со всеми попрощались

и побежали в Африку. У них там дом. А волки побежали в Сибирь...

И тут он их увидел — волки, маленькие, далекие, крались по тропинке под высокими деревьями. На вершине холма они остановились и обернулись. А потом не спеша направились вниз по склону и скрылись из виду.

— А ужи?

— А ужи побежали... — Воображение у Вильяма истощилось.

— В сад к миссис Эванс, — удовлетворенно промурлыкала Мэри. — Тогда я пойду заберу Барашка.

У двери на террасу она остановилась.

— Хочешь, Вильям, он у нас будет общий?

— Нет-нет, спасибо, — поспешно ответил Вильям.

— Если делиться, всегда веселее.

— Ну так поделимся чем-нибудь другим.

Одно дело — распрощаться с волками. Другое — делить Барашка. Всему есть предел.

— Хорошо, Вильям.

Вильям одобрительно кивнул. Иметь дело с Мэри оказалось не так уж трудно — нужно только найти подход. Твердость нужна, вот и все.

На следующее утро Вильям проснулся и потянулся — давно ему не было так хорошо. Повернув голову, он первым делом увидел голубую подушку, которая примостилась рядом с его собственной.

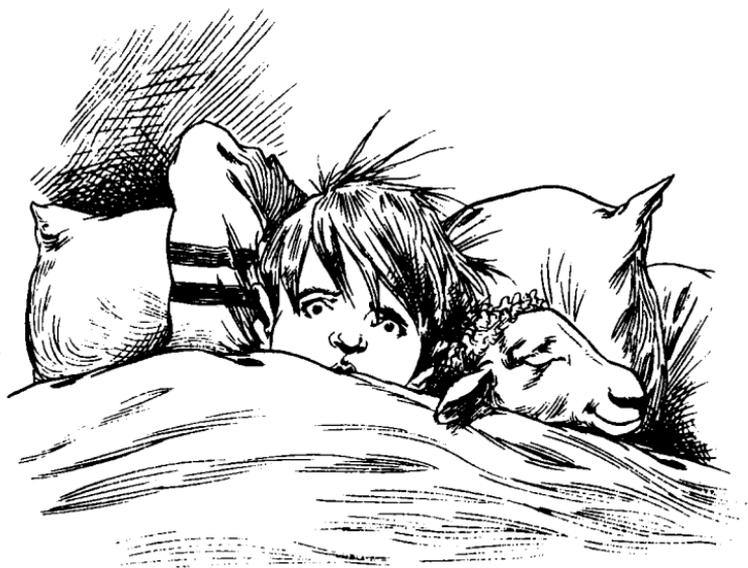
Вильям нахмурился. Ни к чему Мэри думать, будто теперь он будет все время держать эту

подушку в своей постели. Теперь его девизом станет разнообразие.

Но раз Барашек все равно тут, можно хотя бы извлечь какую-то пользу из этой мерзкой твари. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Вильям подсунул голубую подушку себе под локоть и потянулся за книгой. Подушка такого размера ему очень кстати. Ладно уж, пусть Мэри оставляет ее тут насовсем.

Вильям устроился поудобнее, раскрыл книгу и стал читать.

СОДЕРЖАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕС	5
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	34
Глава четвертая	41
Глава пятая	52
Глава шестая	69
Глава седьмая	79
Глава восьмая	93
Глава девятая	106
ВИЛЬЯМ И ВОЛКИ	113
Глава первая	115
Глава вторая	122
Глава третья	128
Глава четвертая	132
Глава пятая	137
Глава шестая	146
Глава седьмая	152
Глава восьмая	158
Глава девятая	165
Глава десятая	173
Глава одиннадцатая	181

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

Серия «САМАЯ СМЕШНАЯ КНИГА»

Кэтрин Кейв, Крис Риддел

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЁС

Редактор *Ольга Миклухо-Маклай*

Художественный редактор *Владимир Ноздрин*

Технический редактор *Елена Антонова*

Корректор *Ольга Смирнова*

Верстка *Елены Антоновой*

Директор издательства *Максим Крютченко*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.006894.07.08 от 04.07.2008

Подписано в печать 01.10.2008. Формат издания 60×100¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,2. Тираж 5 000 экз.

Изд. № 151. Заказ № 11608.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Добрые и смешные истории с иллюстрациями Криса Риддела!

Жили-были два брата, два щенка. И вот один из них благодаря ловкости юного садовника Фреда оказался в императорском дворце, а другой поселился в доме жестянщика. Любимый пёс императора выступает на парадах и обожает Моцарта, а его брат рыщет по помойкам и учится мастерски воровать. Но однажды братья поменялись местами...

Герой другой повести – мальчишка Вильям. У него есть четырехлетняя сестренка, очаровашка Мэри. Мэри придумала себе воображаемого Барашка, и Вильям назло ей решает завести себе волков. Что из этого получилось, узнаете, прочитав книжку до конца.

